

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ
№ 26

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКОРЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 25 Июня 1883 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1
Mark. 70 Pfen. для
загран.) за строку
нонпарейль (въ $\frac{1}{4}$
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскрес. и праздн.
дней отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.
Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москву чрѣзъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи. 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложе-
ния при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ионог. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ.

Какъ представитель истинно - высокихъ и безкорыстныхъ стремлений въ науки, какъ нашъ выдающійся оріенталистъ, немало послужившій въ серьезному ознакомленіи не только насъ, но и Европы съ замѣчательными памятниками санскритской иzendской литературы, Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, скончавшійся въ началѣ настоящаго года, вполнѣ достоинъ общественной памяти.

Вся жизнь Каэтана Андреевича была жизнью борьбы и стремлениія къ своимъ завѣтнымъ, ученымъ цѣлямъ. Сынъ священника, родомъ белорусъ, онъ началъ свое образованіе въ Витебской гимназіи и здѣсь, голодая и холода, уже успѣлъ достичь такого совершенства въ знаніи латинскаго языка, что тогдашній попечитель Бѣлорусскаго учебнаго округа отправилъ его въ Московскій университетъ, для окончанія курса.

Въ Московскому университету, въ средѣ студентовъ, Коссовичъ считался первымъ филологомъ. Особенно усердно занимался онъ здѣсь греческимъ языкомъ, и сотни стиховъ безсмертнаго Гомера удерживались его счастливою памятью. По окончаніи курса, К. А. былъ назначенъ учителемъ греческаго языка въ Тверскую гимназію, но этого

еще перебиваться уроками, и это время не было имъ потеряно; тогда онъ перечиталъ большую часть греческихъ и латинскихъ классиковъ, и кромѣ того, выучился языку англійскому и итальянскому. Въ Твери, среди скучныхъ служебныхъ занятій, онъ находилъ отраду лишь въ своихъ филологическихъ занятіяхъ и съ жаромъ принялъся, безъ всякаго руководителя, по сочиненіямъ, за дорогую цѣну выписаннаго изъ заграницы, за изученіе языковъ древняго востока — еврейскаго, арабскаго и потомъ санскритскаго, занимался въ то же время переводомъ греческой грамматики Кюнера, служащей до сихъ поръ учебникомъ въ нашихъ гимназіяхъ, и составленіемъ греческо-руssкаго словаря.

Въ 1843 г., Каэтанъ Андреевичъ былъ переведенъ въ Москву, где преподавалъ греческій языкъ во 2-й гимназіи и где сблизился съ Хомяковымъ, Кирѣевскими, Шевыревымъ, И. М. Языковымъ и нѣсколькими другими дѣятелями науки и литературы, которые съумѣли оцѣнить его способности и довѣрили его серьезному познанію.

Въ 1850 г., Коссовичъ перешелъ въ Петербургъ, на службу, въ Императорскую публичную библіотеку и здѣсь, мало по малу, для нашего скромнаго, ученаго труженика настала

Професоръ К. А. Коссовичъ. † 26 янв. 1883 г. Съ фот. грав. Ю. Барановскій.

мѣста онъ добился не сейчасъ; цѣлые два года ему нужно было

службу, въ Императорскую публичную библіотеку и здѣсь, мало по малу, для нашего скромнаго, ученаго труженика настала

болѣе свѣтлая и счастливая эра. Тогдашній директоръ библіотеки баронъ М. А. Корфъ отнѣсся къ нему съ полной благосклонностью; онъ создалъ для К. А. особую должность—редактора ученыхъ работъ и поручилъ ему завѣдываніе въ библіотекѣ восточными книгами и рукописями. Кромѣ того, въ 1851 году, баронъ Корфъ командировалъ его за границу въ Лондонъ, чтобы съ помощью тамошнихъ ученыхъ описать рукописи библіотеки, писанныя на разныхъ индійскихъ нарѣчіяхъ, неизвѣстныхъ нанимъ отечественнымъ ориенталистамъ. Въ этихъ же пятидесятыхъ годахъ, заслуги К. А. какъ санскритолога, уже составившаго себѣ почетное имя своими переводами разныхъ отрывковъ и даже цѣлой драмы („Торжество свѣтлой мысли“), мало по малу начали оцѣняться и въ средѣ нашего ученаго сословія. Такъ, Академія Наукъ поручила составить ему санскрито-русскій словарь, котораго, къ сожалѣнію, вышли лишь три выпуска, а Петербургскій университетъ допустилъ его къ преподаванію въ своихъ стѣнахъ спачала санскритскаго языка, а потомъ зендскаго.

Въ Университетѣ К. А. дѣйствовалъ какъ фанатикъ своего дѣла; безъ всякаго вознагражденія; онъ неутомимо дѣлился съ юношествомъ своими обширными знаніями и съумѣль заинтересовать его такими предметами, которые никогда до того времени даже и не упоминались въ нашей университетской программѣ. Онъ сталъ теперь для университета необходимостью, и черезъ два года послѣ начатія лекцій, т. е. въ 1860 году, мы видимъ его уже исправляющимъ должность экстра-ординарного профессора; въ 1864 году—экстра-ординарнымъ, а въ 1866—ординарнымъ профессоромъ, званіе котораго онъ и занималъ до самой кончины. Кромѣ того Харьковскій Университетъ, вносядствіи

единогласно призналъ К. А. докторомъ сравнительного языкоznанія.

Эта справедливая, высокая оцѣнка трудовъ Коссовича была вызвана цѣлымъ рядомъ капитальныхъ его трудовъ, уже не говоря о самой широкой преподавательской дѣятельности. Кромѣ множества переводовъ съ санскритскаго и чтенія публичныхъ лекцій о санскритскомъ эпосѣ Кастанъ Андреевичъ усердно занимался зендскимъ языкомъ и издалъ нѣсколько отрывковъ изъ Зенда вѣсть съ своимъ переводомъ и примѣчаніями. Кромѣ того онъ издалъ чрезвычайно изящное и цѣнное въ научномъ отношеніи собраніе древне-персидскихъ надписей съ объясненіями и словаремъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что К. А. умеръ надъ книгой: да и вся жизнь его была непрерывнымъ трудомъ на пользу науки и добра, и для этихъ только высокихъ, идеальныхъ цѣлей онъ не жалѣлъ ни своихъ силъ, ни своихъ способностей. Для студентовъ всегда была отворена дверь не только его квартиры, но и его сердца, и для многихъ изъ университетскихъ бѣдняковъ онъ оказывалъ не только научную, но и посильную материальную и нравственную помощь. Какъ ученый, Кастанъ Андреевичъ, по справедливымъ словамъ историка Петербургскаго университета В. В. Григорьева, представлялъ „рѣдкій примѣръ благороднаго труженика на пользу науки, который всѣ обширныя свѣдѣнія свои приобрѣлъ не выѣзжая изъ Россіи, приобрѣтеніемъ ихъ обязанъ исключительно самому себѣ и приобрѣталъ ихъ среди обстоятельствъ самыхъ неблагоприятныхъ, никогда не упадая духомъ, никогда не позволяя себѣ усомниться въ своемъ призваніи и въ торжествѣ твердой воли надъ равнодушіемъ и людскимъ недоброжелательствомъ“. К. А. скончался 26 января 1883 года, 72 лѣтъ отъ роду.

СТАРЫЙ ДОМЪ. (Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьевъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Х.

Виноватый.

Въ домѣ у Горбатовыхъ Бориса хватились очень скоро.

Англичанинъ вышелъ къ утреннему чаю нѣсколько смущенный и объявилъ Сергею Борисовичу на его вопросъ о сыне, что Борисъ вѣрно гуляетъ въ саду, хотя онъ сейчасъ обошелъ садъ и нигдѣ его не встрѣтилъ.

— Когда-же онъ вышелъ?

— Должно быть очень рано! отвѣтилъ англичанинъ.— Я проснулся въ восемь часовъ и увидѣлъ, что его уже нѣть въ спальнѣ.

Прошло съ полчаса, Бориса нѣту. Отецъ послалъ его розыскивать въ саду. Но посланный вернулся, объявивъ, что его рѣшительно нигдѣ нѣть.

Тогда началась тревога.

Быть можетъ онъ, несмотря на всѣ запрещенія, вышелъ на улицу.

Спросили сторожа. Сторожъ сознался, что молодой баринъ еще почитай на зарѣ приказалъ отворить себѣ калитку и приказалъ такъ властно, что онъ, сторожъ, не смѣлъ ослушаться.

Татьяна Владимировна по обыкновенію не отходила отъ сына и Сергей Борисовичъ почти до самого обѣда скрывалъ отъ нея отсутствіе Бориса.

Карликъ немедленно же отправился розыскивать по городу своего любимца. Были разосланы люди. Одни возвращались, другіе отправлялись па поиски. Но какъ же возможно было его отыскать въ такомъ городѣ какъ Москва!

Сергей Борисовичъ былъ въполномъ отчаянны. Онъ предчувствовалъ это. Онъ ежедневно боялся какойнибудь выходки со стороны Бориса.

Съ дѣтства фантастический, своеобразный мальчикъ, бродяга, искатель приключений!. Онъ и негодовалъ, сердился на него, и въ то же время понималъ его, а пуще всего чувствовалъ теперь одно—что несчастнѣе его нѣть никого на свѣтѣ... Какъ онъ скажетъ женѣ? Что съ нею будетъ? Когда онъ воротится? Воротится ли?

Ему представлялись всякие ужасы. Онъ не вытерпѣлъ

и самъ отправился на поиски. Бродилъ до обѣда по улицамъ и вернулся не найдя сына.

Къ обѣду вышла Татьяна Владимировна. Мужъ взглянулъ на нее и поразился выраженіемъ ея лица. Оно все такъ и сияло счастіемъ.

— Володѣ лучше! лучше! восторженно объявила она,— теперь нѣть никакого сомнѣнія. Я долго думала, что Францъ Карловичъ меня только утѣшаетъ, говоря, что произошелъ кризисъ и что начинается выздоровленіе. Теперь я сама вижу, что онъ правъ. Пойдемъ, милый, пойдемъ... взгляни на него... Онъ уже можетъ сидѣть... Жару никакого... Онъ съ аппетитомъ выпилъ бульонъ... Да гдѣ же Борисъ? Володя зоветъ его...

— Борисъ! крикнула она, думая, что онъ въ соседней комнатѣ; но никто не отозвался.

Мужъ молча стоялъ передъ нею.

Она взглянула на него и съ изумленіемъ отшатнулась.

— Что это?! Я принесла тебѣ такую радость, а ты такими глазами на меня смотришь?! Что случилось?!

И вдругъ материнское сердце угадало истину.

— Борисъ! Съ нимъ что нибудь?... Да говори... говори, ради Бога... не томи, не скрывай... гдѣ Борисъ?... Что съ нимъ?!

— Не пугайся пожалуйста!! черезъ силу выговорилъ Сергей Борисовичъ.— Повѣрь мнѣ, страшнаго ничего нѣть...

— Да, что съ нимъ? Что случилось?!

— Богъ милостивъ... Онъ здоровъ... только его нѣть... нигдѣ найти не могутъ... съ утра ушелъ изъ дома...

Она такъ и всплеснула руками.

— Господи! да вѣдь онъ обѣщалъ не уходить... Вѣдь ты же распорядился, чтобы его не выпускали... какъ же это?! Ищутъ ли его?! Пошли скорѣе во всѣ стороны.

— Это давно уже сдѣлано и я самъ только что вернулся... Не тревожься только... конечно, онъ къ вечеру вернется и за такое непослушаніе нужно будетъ строго взыскать съ него. Пойдемъ къ Володѣ и успокойся... успокойся моя милая... дорогая!...

Они пошли къ больному сыну. И это было большое

счастье и для нихъ и для Бориса, что Владіміръ дѣйствительно оказался въ лучшемъ состояніи. Эта радость, которую они такъ долго ждали и на которую уже совсѣмъ перестали надѣяться, уменьшила томительность ожиданій и беспокойства.

Межу тѣмъ время шло. Давно наступили сумерки. Нѣкоторые изъ посланныхъ и карликъ вернулись ни съ чѣмъ.

Нѣтъ Бориса—да и только!

Горбатовы, карликъ и почти вся прислуга, которая была искренно предана семейству, провели почти безсонную, тревожную ночь.

Но вотъ пришло утро—блѣглецъ возвратился.

Онъ вошелъ блѣдный, дрожащий, съ опущенными глазами. Онъ уже понималъ сколько мукъ причинилъ отцу съ матерью. Онъ едва сдерживался отъ рыданій.

Татьяна Владимировна кинулась къ нему, охватила его крѣпко руками, прижала его къ груди своей.

— Живъ! здоровъ! Ничего съ тобой не случилось?!

Она, эта крѣпкая, сдержанная и хорошо владѣвшая собою женщина, вдругъ почувствовала полную слабость и громко зарыдала.

Сергѣй Борисовичъ хотѣлъ встрѣтить сына строгими упреками, гнѣвомъ и—не стѣмѣль этого. Онъ чувствовалъ себя возрожденнымъ, счастливымъ, помолодѣвшимъ. Глаза его свѣтились и выдавали его душевное состояніе.

— Гдѣ же ты былъ, разбойникъ?! крикнулъ онъ.— Говори всю правду! посмотримъ, есть ли у тебя хоть какое нибудь оправданіе....

Борисъ рассказалъ. Оправданій было много. Онъ спасалъ женщинъ и дѣтей—этотъ новый рыцарь безъ страха и упрека.

— Ахъ ты, Донъ-Кихотъ! проговорилъ Сергѣй Борисовичъ.

Мальчикъ взглянулъ на отца совсѣмъ обиженный, губы его дрогнули; но онъ не сказалъ ни слова.

Сцена съ безумнымъ старикомъ, въ котораго онъ хотѣлъ стрѣлять какъ во француза, дѣйствительно давала отцу право назвать его Донъ-Кихотомъ. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что не виноватъ, что дѣйствовалъ не дурно. Не виноватъ съ одной стороны и очень виноватъ съ другой! — какъ-же примирить это? И въ первый разъ въ жизни ему ясно стало, что трудно, трудно, совсѣмъ даже невозможно такъ жить и поступать, чтобы со всѣхъ сторонъ быть правымъ...

— А о братѣ и не спросишь?! проговорилъ отецъ.

— Что онъ?! Что?! испуганно шепнула Борисъ.

— Что! Иди скорѣй къ нему... Онъ уже давно тебя ждетъ... давно тебя ждетъ и не понимаетъ отчего ты не идешь... Лучше ему, слава Богу! Только ты не вздумай пожалуйста рассказывать о твоихъ приключеніяхъ— это его взволнуетъ...

— Не буду, конечно!

— А потомъ—слушай еще одно! найдя вдругъ въ себѣ строгій тонъ договорилъ Сергѣй Борисовичъ. — Слушай! Ты доказалъ, что твоимъ обѣщаніямъ опасно вѣрить, а потому ужъ не взыщи, — теперь ты плѣнникъ!

Борисъ повѣсила голову, но извѣстіе о томъ, что брату лучше, такъ его обрадовало, что онъ забылъ пока все остальное и поспѣшилъ въ комнату больного.

Все обошлось. Несмотря на ужасную обстановку, среди занятаго непріятелемъ, сожженного города, несмотря на всѣ печальные обстоятельства, въ домѣ Горбатовыхъ въ этотъ день былъ словно большой и радостный праздникъ.

Что-же касается до хозяевъ, то они чувствовали себя такими счастливыми, будто вернулись самые свѣтлые, самые лучшіе дни ихъ молодости. Одинъ сынъ благополучно вернулся домой, другой выздоравливаетъ—чего-же больше!

Съ этого дня за Борисомъ дѣйствительно былъ назначенъ самый строгій надзоръ. Прислугѣ было дано строгое приказаніе не выпускать его изъ виду. Карликъ прочелъ ему большую нотацію и даже довелъ его до слезъ, по своему обычаю картино изображая отчаяніе Сергѣя Борисовича и Татьяны Владимировны.

Англичанинъ, который внутренно очень даже одобрялъ поступокъ своего любимаго воспитанника, не показывалъ ему однако и вида, что доволенъ имъ; напротивъ, онъ корчилъ самую строгую, почти свирѣпую физіономію и ни на шагъ не отходилъ отъ него.

Борисъ скоро убѣдился, что онъ настоящій плѣнникъ, что теперь ему нечего и думать выйти изъ дома. А между тѣмъ вѣдь онъ далъ обѣщаніе Нинѣ навѣстить ее, а между тѣмъ онъ уже тосковалъ по ней и ему безумно хотѣлось ее увидѣть.

Конечно, если-бы онъ захотѣлъ только, то могъ-бы, по крайней мѣрѣ, имѣть о ней свѣдѣнія; онъ упросильбы кого нибудь изъ прислуги, которая всегда была рада исполнить его желаніе, сходить по адресу и узнать здрава-ли Нина и вообще что съ нею. Но тутъ-то съ нимъ и происходило что-то странное.

Борисъ никогда не былъ лгуномъ. Онъ просто не умѣлъ даже лгать, до сихъ поръ ему никогда еще ничего не приходило скрывать отъ родителей. Онъ и теперь, разсказывая имъ о своихъ приключеніяхъ, ли чутъ не лгалъ. Онъ подробно и обстоятельно передалъ имъ всѣ свои впечатлѣнія, всѣ встречи. Но все-же въ его разсказѣ былъ большой перерывъ, а именно: объяснивъ какъ онъ зацерся со спасенной имъ дѣвочкой въ покинутомъ домѣ, онъ сказалъ, что провелъ тамъ ночь, такъ какъ иного ничего не могъ придумать. И затѣмъ продолжалъ: „Когда стало свѣтать, я снесъ дѣвочку къ ея папѣ“ и такъ далѣе.

Перерывъ былъ незамѣтенъ. Онъ не скрылъ ничего. Дѣйствительно, разспросивъ Нину и усмоковъ ее, онъ заснулъ. Но тутъ былъ цѣлый міръ новыхъ ощущеній, о которыхъ онъ не проговорился ни словомъ въ своемъ отчетѣ.

Его слушателямъ представлялась Нина маленькой дѣвочкой: вѣдь онъ ее носилъ, снесъ къ папѣ. И никому конечно въ голову не могло придти, что Нина была для него не ребенкомъ, а какимъ-то особыеннымъ существомъ. И теперь думалъ почти ежеминутно объ этой спасенной имъ дѣвочкѣ.

Онъ ни за что, ни за что бы въ мірѣ не рѣшился никому признаться въ этомъ. Никто не долженъ знать, что она для него и какъ онъ желаетъ ее видѣть...

Онъ надѣялся, что ему удастся ускользнуть незамѣтно изъ сада. Онъ зналъ одно мѣсто, гдѣ, взобравшись на дерево, можно перелѣзть черезъ высокій заборъ. Вѣдь онъ отлично умѣетъ лазить.

Да, онъ рѣшительно готовъ былъ на вторичное бѣгство; онъ забывалъ всѣ нравственные вопросы и соображенія въ виду той мучительной, томящей потребности хоть разъ еще увидѣть Нину, которая его охватила. Но за нимъ слѣдили. Англичанинъ не покидалъ его. И такъ продолжалось нѣсколько дней.

Наконецъ Борисъ не выдержалъ. Оставаться дольше безъ извѣстій о Нинѣ онъ не былъ въ состояніи.

Быть можетъ она заболѣла, простудившись въ ту ночь. Быть можетъ ея нѣтъ уже на свѣтѣ!

И вдругъ онъ рѣшился на то, что до сихъ поръ казалось ему невозможнымъ. Онъ созналъ, что надѣжалъ ужасныхъ, непоправимыхъ глупостей, что ему давнымъ давно следовало рѣшиться и тогда-бы не было этихъ мученій...

Онъ пошелъ къ отцу и, хотя краснѣя и блѣднѣя, но все-же твердо попросилъ у него позволенія въ сопровожденіи гувернера и кого нибудь изъ прислуги пройтись по городу.

— Я долженъ навѣстить француженку и узнать, что сталось съ дѣвочкой...

— Пустяки! сказалъ Сергѣй Борисовичъ. — Если хочешь, рассказалъ гдѣ это — и я пошлю кого нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ долженъ ихъ видѣть!

Онъ началъ убѣждать, началь доказывать, что вѣдь ничего не можетъ съ нимъ случиться, если онъ пойдетъ съ прислугой:

— Ну, пусть трое, четверо идутъ со мной — только пустите! Я чувствую, что мнѣ нужно освѣжиться. Папа, милый, пожалуйста не откажите мнѣ!...

Сергѣй Борисовичъ задумался.

Когда смы говорилъ съ нимъ такимъ тономъ, когда онъ его такъ упрашивалъ и глядѣлъ на него такими глазами, какъ вѣ эту минуту, онъ никогда не могъ долго выдержать.

— Послушай, сказалъ онъ, — если тебѣ уже такъ этого хочется — хорошо — я исполню твоё желаніе, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ты безпрекословно меня послушался... Хорошо, сдѣлай прогулку, зайди вѣ тотъ домъ гдѣ эта девочка и узнай, что съ нею... Но къ француженкѣ не заглядывай — это совсѣмъ лишнее. Я могу тебя на ея счетъ успокоить. Ты знаешь, что я исполнилъ то, о чёмъ ты просилъ меня относительно нея, и генералъ Брошаръ сказалъ мнѣ, что она вѣ всякой возможности нового нападенія, весела и довольна. Если ты даешь мнѣ слово, что не будешь порываться къ ней, потому что тамъ тебѣ вовсе не мѣсто, — то хорошо — ступай.

Борисъ едва могъ скрыть охватившую его радость. Онъ конечно далъ слово отцу не заходить къ француженкѣ. Онъ совсѣмъ позабылъ о ней и тутъ себя упрекнуть обѣ этомъ.

Но вотъ она устроена и Богъ съ нею... Не она, не она нужна ему!

— Позови ко мнѣ мистера Томсона, сказалъ Сергѣй Борисовичъ...

Не далѣе какъ черезъ четверть часа Борисъ, вѣ сопровожденіи гувернера и трехъ рослыхъ, сильныхъ лакеевъ, вышелъ изъ дома.

Его свита едва за нимъ поспѣвала. Онъ почти бѣжалъ по знакомой, хорошо намѣченной имъ заранѣе дорогѣ.

Вотъ онъ у цѣли. Домъ невредимъ, стоитъ на томъ же мѣстѣ. Все какъ было вѣ то памятное утро.

Сердце Борисашибко забилось.

— Подождите меня здѣсь, сказалъ онъ тувернеру. — Вѣдь нельзя же памъ всѣмъ войти.

— Хорошо, отвѣчалъ англичанинъ, — только не задержите насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!...

Онъ былъ уже во дворѣ, онъ стремительно подѣжалъ къ крылечку, а на крылечкѣ этомъ, будто поджидалъ его, стоять Матрена Степановна.

— Здравствуйте, Матрена Степановна! радостно и вѣ тоже время тревожно крикнулъ онъ.

Она всмотрѣлась.

— Ахъ это вы, сударь! Милости прошу, войдите! только вы опоздали, маленькая то барышня вчера уѣхала.

— Какъ уѣхала?! Куда уѣхала?! растерянно говорилъ Борисъ.

У него и руки опустились, сердце почти перестало биться.

— Да, уѣхала маленькая барышня. Все васъ поджидала, хотѣла проститься съ вами.

— Куда же уѣхала?! Развѣ теперь можно уѣхать?! Кто же теперь уѣзжаетъ? Гдѣ она?

— А видите: ея дядя за нею прїехалъ, братецъ ея маменьки покойной. На другой же день по прїездѣ выхлоноталъ пропускъ и увезъ ее съ няней вѣ деревню.

— Что же это такое, — прошепталъ Борисъ вѣ отчаяніи, — значитъ я ее не увижу!...

— Да ужъ теперь трудно увидать. Только, батюшка,

какъ знать, гора съ горой не сходится, а человѣкъ всегда сойтись можетъ. А Ниночка какъ вѣ тоже желала видѣть, даже плакала... добрая она, хорошая барышня... Такъ вѣ эти дни мы ее полюбили и господа... Да, что же это я запамятали совсѣмъ, вѣдь она вамъ записочку оставила. Маленькая такая барышня, а и читать и писать какъ хорошо умѣеть, — разумная. Да войдите сударь! Я вамъ записочку дамъ, а то вотъ къ господамъ пройдите. Можетъ они вамъ что нибудь еще скажутъ.

— Нѣтъ, Матрена Степановна, мнѣ никогда, меня ждутъ, проговорилъ Борисъ едва владѣя собою. Я вѣдь только узнать, что съ нею, боялся не заболѣла ли... А записочку вы мнѣ дайте.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!

Она ушла вѣ свою комнатку и черезъ минуту вернулась съ записочкой.

Борисъ положилъ записочку вѣ карманъ, распостился со старухой и вышелъ на улицу...

— Вотъ это хорошо, сказалъ англичанинъ, — что вы такъ скоро. Что же, теперь обратно домой?

— Да, домой конечно! отвѣтилъ Борисъ.

— Отчего у васъ такой печальный видъ, развѣ что нибудь нехорошее съ этимъ ребенкомъ?

— Нѣтъ, ничего, все благополучно!

И Борисъ опять спѣшилъ, спѣшилъ, почти бѣжалъ. Онъ долженъ былъ скорѣе вѣ уединеніи прощать эту маленькую записку, которую скималъ вѣ своемъ карманѣ, будто боясь, чтобы кто нибудь ее не отнялъ.

Вернувшись домой онъ заперся вѣ своей комнатѣ, развернула бумажку. Карандашемъ, крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ и съ ошибками было написано:

„Ты не пришелъ, Борисъ, а я должна ждать. Дядя меня увозить. Я очень, очень хочу проститься съ тобою, только ждать нельзя. Я буду всегда о тебѣ думать. Когда я тебя увижу? Я беру твой плащъ на память о тебѣ. Нина говоритъ, чтобы я непремѣнно оставила, но я не хочу, ни за что не оставлю. Я его буду беречь и отдамъ тебѣ, когда ты самъ придешь за нимъ. Приходи, я буду всегда, всегда ждать тебя. Нина“.

Борисъ разъ десять прочелъ эти строки. Потомъ спряталъ записочку вѣ свою завѣтную шкатулку, вмѣстѣ съ самыми дорогими ему вещами. Потомъ горько задумался, и вдругъ онъ теперь понялъ, что любить Нину той особенной, странной, мучительной и сладкой любовью, о которой уже слышалъ, о которой уже думалъ.

„Она зоветъ меня. Она будетъ всегда, всегда меня ждать. И я ее всегда ждать буду, и я искать буду, пока ее найду, и никогда я не разлюблю ее. Да, Нина, я найду тебя и приду къ тебѣ!..“

Онъ долго сидѣлъ, погруженный вѣ свои пеясныя грэзы. И весь этотъ день онъ былъ такой странный, молчаливый, грустный и разсѣянный, что мать не разъ его спрашивала:

— Да здоровъ ли ты? Что съ тобой?!

— Здоровъ, здоровъ! со мню ничего!..

А самъ чуть не плакалъ.

Между тѣмъ Владимиръ быстро поправлялся. Съ пимъ дѣйствительно произошелъ спасительный кризисъ. Замѣчательно крѣпкая натура мальчика поборола странную, мучительную болѣзнь.

Татьяна Владимировна надѣялась, что припадокъ не повторится больше, потому что на этотъ разъ мальчикъ былъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ бывалъ вѣ периодъ своего мнимаго выздоровленія. Онъ щѣль съ большимъ аппетитомъ, лицо его начинало видимо округляться, показался румянецъ. Онъ много спалъ и просыпался утромъ свѣжий и бодрый.

Вскорѣ обстоятельства позволили Горбатовымъ выѣ-

хать изъ Москвы. Они переселились въ Горбатовское, гдѣ проклили всю зиму.

Наполеонъ былъ побѣженъ, Москва очищена, жители стали въ нее возвращаться. Мало по малу слаживались ужасные слѣды непріятельского нашествія и пожара. Честь Россіи была спасена, русскій духъ воспрянулъ, наступили годы славы.

Борисъ и Владіміръ выростали. Они уже студенты. Жизнь кипитъ, смѣняются впечатлѣнія. Быстро и разнообразно проносится лучшее время человѣческой жизни.

Но Борисъ, несмотря на перемѣны, проишедшія вокругъ него и въ немъ, не забываетъ Нину. Онъ не знаетъ даже ея фамилію, никогда онъ о ней ничего не слышитъ.

Черезъ годъ, вернувшись въ Москву, онъ отправился къ Матрѣнѣ Степановнѣ, во ея не оказалось. Не оказалось и господѣя. Они выѣхали изъ Москвы, ихъ домъ отдавался въ наемъ. Всякій слѣдъ, по которому можно было отыскать Нину, исчезъ.

Борисъ уже превратился въ совсѣмъ взрослого человѣка. Соблазны женской красоты дѣйствовали и на него и онъ поддавался имъ. Онъ отдалъ дань юности. Но ни одна женщина, съ которой онъ сходился, ни одна девушка, съ которой онъ встрѣчался, не успѣли овладѣть всецѣло его сердцемъ и изгнать изъ него образъ страннаго, маленькаго существа, которое Борисъ обставлялъ какими-то волшебными чарами.

Вотъ братъ Владіміръ уже женился и Борису представлялось не мало партій. Даже родители его не разъ указывали ему на девушки, которыхъ могли бы подойти ему; но онъ не думалъ о женитьбѣ. Онъ продолжалъ упорно ждать Нину. Это ожиданіе не мучило его, оно вошло въ привычку. Онъ твердо былъ увѣренъ, что непремѣнно ее встрѣтить и долженъ быть ее встрѣтить свободнымъ отъ всякихъ сердечныхъ и иныхъ обязательствъ человѣкомъ...

Теперь, вернувшись въ Россію послѣ долгаго своего путешествія и сразу почти окунувшись въ свѣтскую петербургскую жизнь, онъ не могъ конечно вообразить, что встрѣтить Нину въ этой обстановкѣ. Ему казалось, что она принадлежитъ къ совсѣмъ иному миру, въ который онъ попадетъ когданибудь случайно, такъ же случайно, какъ и въ первый разъ встрѣтился съ нею.

А между тѣмъ весь день передъ баломъ онъ испытывалъ странное ощущеніе. Онъ былъ въ какомъ то необычномъ первомъ состояніи, будто ждалъ чего-то. Когда онъ вошелъ въ залу, наполненную блестящимъ обществомъ, это странное томившее его ощущеніе еще усилилось. Онъ былъ разсѣянъ, у него духъ захватывало. Онъ не могъ ни на чѣмъ сосредоточиться.

И вдругъ передъ нимъ мелькнулъ образъ блѣдной девушки и онъ узналъ въ немъ Нину.

Онъ давно зналъ и встрѣчалъ много разъ у своей матери княгиню Маратову, но никогда не слыхалъ, что у нея есть племянница. Да еслибы и услышалъ, то что же бы ему сказали имя mademoiselle Lamzine? А главное, Нина менѣе двухъ лѣтъ какъ живѣтъ у тетки. Она приѣхала въ Петербургъ уже въ то время, какъ онъ былъ заграницей.

Княгиня Маратова, къ которой Нина подвела Бориса, очень изумилась, что племянница давно съ нимъ знакома, и еще больше изумилась, когда та ей сказала, что это тольѣ самыи мальчикъ, который спасъ ее во времѧ французскаго нашествія.

Маратова, пожилая вдова, была известна въ петербургскомъ обществѣ своей толщиною и неизмѣннымъ присутствиемъ всюду, гдѣ только собирались люди. Круглое, нѣсколько обвисшее лицо, чуть ли не съ тройнымъ подбородкомъ, маленький вздернутый носъ, черные усики въ углахъ губъ, круглые, живые и умные глаза и

толстые локоны, болтавшіеся съ обѣихъ сторонъ вдоль щекъ—дѣлали ее необыкновенно похожей на откормленнаго, породистаго кингъ-чарлза. Она наговорила Борису кучу всякаго милаго вздору и кончила тѣмъ, что надѣется его у себя видѣть въ самомъ скромѣ времени, чтобы изъ устъ его услышать интересный разсказъ о старинныхъ его приключеніяхъ съ Ниной.

— Ma tige sera charmée de vous revoir! добавила она. Она такъ любить нашу Нину и всегда заставляетъ ее рассказывать объ ея дѣтствѣ и о московскомъ пожарѣ.

— Я завтра же буду у васъ, если позволите! сказала Борисъ.

— Пожалуйста, мы будемъ ждать васъ.

Онъ раскланился, отошелъ и глядѣлъ какъ Нина, приглашенная въ это время на танецъ, легло и грациозно носилась среди грома музыки, среди блеска и свѣта горячей атмосферы бальной залы.

А княгиня Маратова думала:

„Вотъ, пріютила сиротку, да кто знаетъ, быть можетъ она такую еще партію сдѣлаетъ, что всѣ эти барышни съ громкими именами себѣ локти кусать станутъ... Ce jeune Gorbatoff... qui sait?! tout est entre les mains du bon Dieu“...

XI.

„Генеральша“.

Домъ, въ которомъ теперь приходилось жить Нинѣ, помѣщался недалеко отъ Таврическаго сада. Онъ принадлежалъ старой генеральшѣ Пронищевой, матери княгини Маратовой.

Это было большое, одноэтажное съ мезониномъ зданіе, съ широкимъ дворомъ, на которомъ помѣщались флигеля для прислузы, конюшни и сараи. За домомъ шелъ небольшой, но густой садъ. Ворота стояли всегда на запорѣ. Шторы почти во всѣхъ окнахъ, выходившихъ на улицу, были всегда спущены и вообще домъ, хотя и представительной внешности, но уже потемнѣвшій, закопченый отъ времени, имѣлъ мрачный видъ. Казалось будто въ немъ или никто не живетъ, или что тутъ кто нибудь очень боленъ. Это послѣднее предположеніе представлялось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что времена отъ времени почти во всю ширину улицы передъ домомъ настипался толстый слой соломы, для того чтобы заглушить фзду экипажей, хотя въ этой части города фзды было немного.

Междуди тѣмъ въ домѣ не было больныхъ и жило въ немъ очень много народу.

Хозяйка дома, изъ стараго рода князей Унжицкихъ, когда то, въ началѣ царствованія Екатерины, играла видную роль въ петербургскомъ свѣтѣ. Она была очень красива, имѣла большое состояніе, всегда была окружена толпой поклонниковъ. Она провела веселую, шумную молодость, не спѣшила замужъ, но въ концѣ концовъ, лѣтъ двадцати семи, все же вышла за молодого гвардейскаго офицера Пронищева.

Она могла по своему положенію, связямъ и богатству сдѣлать гораздо болѣе блестящую партію. У нея въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ было много прекрасныхъ жениховъ, но потомъ женихи эти какъ то вдругъ стали отставать. Поговаривали, что княжна Унжицкая слишкомъ веселаго характера и слишкомъ легкихъ нравовъ. Про нее ходило не мало разсказовъ. Но конечно, въ тѣ времена, не отличавшіяся особенной нравственностью, княжна не могла себѣ особенно повредить своей веселой жизнью. Разсказы объ ея приключеніяхъ не могли отвадить отъ нея жениховъ, которые, сватаясь къ ней, искали въ будущей подругѣ жизни не семейныхъ добродѣтелей, а связей и хорошаго приданаго.

Женихи отстали просто потому, что княжна вовсе не хотѣла выходить замужъ, ей было и такъ весело. Матери своей она не помнила, изъ отца, стараго ничтожнаго человѣка, не чаившаго въ ней души, она дѣлала все, что ей было угодно.

Но воть, или годы такие пришли, или капризъ на нее нашелъ, она вдругъ оповѣстила своихъ друзей и знакомыхъ, что выходитъ замужъ за Пронищева.

Всѣ изумлялись, никто не считалъ его подходящимъ къ ней женихомъ. Онъ даже за нея никогда особенно не ухаживалъ, да и встрѣчались они не часто.

Но остановивъ на немъ свой выборъ, княжна не стала долго задумываться. Она сама, какъ потомъ рассказывалось не безъ основанія, сдѣлала ему предложеніе. Онъ подумалъ, сообразилъ и не сталъ отказываться.

Черезъ полгода послѣ ихъ свадбы умеръ ея отецъ. Она раздѣлила съ единственнымъ своимъ братомъ прекрасное состояніе и поселилась въ домѣ близъ Таврическаго сада. Мужъ ея служилъ и шелъ въ гору. У нея родилась дочь и затѣмъ дѣтей больше не было.

Междѣ тѣмъ поговаривали, что бывшая веселая княжна нѣсколько ошиблась въ выборѣ мужа. Она разсчитывала найти въ немъ полное снисхожденіе къ своему прошлому, настоящему и будущему. О прошломъ онъ действительно не вспоминалъ; но что касается до настоящаго своей супруги, оно его интересовало въ значительной степени.

Бывшая веселая княжна хотя и показывалась по прежнему въ обществѣ, и хотя по старой памяти и позволяла себѣ легкомысленные выходки, но уже очевидно съ опаской. Затѣмъ случалось такъ, что вдругъ она исчезнетъ, оказывается больной, никого не принимаетъ и продолжается это мѣсяца два, иногда болѣе.

Рассказывали, что за каждый легкомысленный поступокъ Пронищевъ не только взыскивалъ съ нея, но, будучи человѣкомъ горячимъ, иной разъ просто напросто прибѣгалъ къ кулачной расправѣ.

Люди, часто бывавшіе у нихъ въ домѣ, иногда бывали свидѣтелями бурныхъ сценъ, во время которыхъ Пронищева всегда притихала, оказывалась ниже травы, тише воды.

„Блудлива какъ кошка, труслива какъ заяцъ“ говорили про нее.

И это было справедливо. Она стала очень бояться мужа и не смотря на то, что онъ былъ ей всѣмъ обязанъ, такъ какъ она взяла его за себя нечиновнымъ, почти безроднымъ человѣкомъ, безъ всякаго состоянія, она вдругъ оказалась вынужденной признать его своимъ главой. Чувствуя себя очень часто виноватой, она всегда была на сторожѣ, начинала дрожать отъ первого рѣзкаго звука его голоса. Проводя жизнь въ измышленіяхъ какъ бы провести его, избѣжать его гнѣва и иногда весьма чувствительныхъ для нея послѣдствій этого гнѣва, мысль о томъ, что достигнуть этого не особенно трудно, стоитъ только вести себя какъ подобаетъ вѣрной и любящей женѣ, никогда не приходила ей въ голову. Она не могла отстать отъ своихъ укоренившихся привычекъ.

Находясь въ постоянномъ страхѣ, зная, что за нею учрежденъ очень дѣятельный присмотръ, она тѣмъ не менѣе, улучивъ удобную минуту, посыпала то тому, то другому изъ намѣченныхъ ею молодыхъ людей billet doux, назначала со всѣми предосторожностями тайны свиданія. Избѣжать отвѣтственности ей почти никогда не удавалось, но тѣмъ не менѣе она не была въ состояніи измѣниться.

Съ каждымъ годомъ она сильнѣе и сильнѣе боялась мужа и въ то же время чаще и чаще разсыпала свои billets doux и назначала свиданія.

Дочь свою она любила, хотя конечно по своему. Мало обращала на нее вниманія и всепрѣло довѣрила ее наемнымъ воспитательницамъ, которыхъ то и дѣло мѣнялись въ домѣ, такъ какъ у хозяина былъ самый неуживчивый характеръ и онъ ни съ кѣмъ не стѣснялся. Показалось ему что нибудь неладнымъ, сей часъ—маршъ вонъ, безъ разсужденій!—и конецъ дѣлу.

Но время шло. Госпожа Пронищева, теперь уже быв-

шая генеральшой, несмотря на всѣ притиранья и прочія косметическія средства, начала значительно терять свою красоту, приближаться мало по малу къ старости.

Дочку свою Машеньку она выдала замужъ за князя Маратова, человѣка уже немолодаго, но во всякомъ случаѣ представлявшаго изъ себя очень хорошую партію.

Борьба ея съ мужемъ продолжалась. Но теперь къ этой борьбѣ примѣщалась и другая. Приходилось бороться и съ тѣми, къ кому посыпались billets doux. Приходилось побѣждать ихъ сначала съ большими трудомъ, а потомъ даже съ большими денежнми пожертвованіями.

Генераль Пронищевъ будучи главой дома и „строго наказывая жену“, несмотря на это оставилъ въ ея рукахъ и распоряженіи всѣ денежныя средства.

„Это не мое, говорилъ онъ,— я имѣю только свое жалованье, заслуженное мною и въ употребленіи его не даю никому отчета“.

Генераль, рѣшительный и храбрый воинъ, которому однако въ началѣ его военной карьеры пришлось воевать не особенно много, принималъ участіе въ итальянскомъ походѣ Суворова, не разъ отличался, снискавъ расположение знаменитаго полководца и по возвращеніи въ Петербургъ былъ награжденъ по заслугамъ. Онъ еще былъ далеко не старъ и для него теперь открывалась самая блестящая карьера. Но сильно простоявши во время труднаго похода и не обративъ должнаго вниманія на эту простуду—онъ вдругъ сталъ хирѣть. Проскрипѣлъ года два и умеръ.

Повидимому, генеральша, освободившись отъ своего „тирана“, должна была почувствовать себя легко и свободно. Полагали, что теперь она, несмотря на свои немолодые годы, снова развернется. Но случилось совсѣмъ обратное. Она оказалась неутѣшной вдовой: прекратила всѣ выѣзды, заперлась въ своемъ домѣ, спустила шторы и принялась оплакивать мужа. Разъ въ недѣлю, закутанная подъ густой вуалю, она садилась въ карету и отправлялась въ Александро-Невскую лавру, где былъ похороненъ генераль, слушала тамъ обѣдню, служила панихиду, сидѣла долго на его могилѣ, возвращалась домой и въ теченіи недѣли никуда не выѣзжала и не выходила. Затѣмъ опять такая же поѣздка въ лавру.

И такъ проходилъ мѣсяцъ, другой, третій. Прошелъ цѣлый годъ. Всѣ были изумлены тѣмъ, что новый капризъ генеральши такъ долго не проходитъ. А капризъ все же не проходилъ. Никто уже не получалъ отъ нея billet doux, никому она не назначала свиданія.

Она принимала у себя весь городъ, но только съ визитами. Болѣе десяти минутъ у нея никто не засиживался.

Стали проходить года. Образъ ея жизни не измѣнялся. Она дышала воздухомъ разъ въ недѣлю, отправляясь въ каретѣ въ лавру, и жила такъ и зимой и лѣтомъ, никуда не выѣзжая и даже въ самые жаркие лѣтніе дни не выходя изъ своей комнаты.

Овдовѣла ея бездѣтная дочь и переѣхала къ матери.

Потомъ у нея въ домѣ поселился ея холостой братъ, князь Унжицкій. И домъ этотъ въ теченіи болѣе двухъ десятковъ лѣтъ не измѣнялся ни въ чемъ.

Шторы въ будуарѣ генеральши, изъ котораго она не выходила, и во всѣхъ парадныхъ комнатахъ были всегда спущены. Сюда не должно было доноситься никакого шума, поэтому многочисленная прислуга жила въ флигеляхъ. Просторный мезонинъ былъ занятъ старымъ княземъ. Княгиня Маратова занимала совсѣмъ отдельное помѣщеніе, соединявшееся съ парадными комнатами и будуаромъ матери посредствомъ длиннаго коридора.

Генеральша, въ какомъ то порывѣ раскаянья давшая обѣтъ на могилѣ мужа всегда его оплакивать и до конца дней своихъ вести затворническій образъ жизни, начала съ того, что стала исполнять этотъ обѣтъ чисто изъ страха. Она боялась, что если нарушить его, то

Дѣти въ лѣсу. Съ карт. А. Корзухина, грав. Гельштейнъ,

покойникъ придетъ къ ней съ тѣмъ, чтобы наказать ее. А затѣмъ она уже привыкла къ своей новой жизни, втянулась въ нее, разлѣнилась и не хотѣла ничего другого.

Она проводила день за днемъ безъ всякаго измѣненія. Вставала ровно въ одиннадцать часовъ. Потомъ сидѣла передъ зеркаломъ и съ помощью привыкшей къ ей причудамъ компаньонки убирала свои сѣдые волосы въ вычурную прическу Екатериненского времени, сурмила себѣ брови, бѣлилась и румянилась. Затѣмъ облекалась въ пышную робу, такую же старомодную какъ и прическа, и выходила въ свой будуаръ, въ которомъ не только были спущены шторы, но даже спущены и тяжелыя занавѣси, такъ что самый яркій лучъ солнца не могъ сюда проникнуть.

Комната эта была какая то немного выцвѣтшая, но богатая коробка съ скрытыми окнами и дверями, съ тяжелымъ ковромъ, заглушавшимъ шаги, уставленная старинной прекрасной мебелью и всевозможными бездѣлушками.

Генеральша помѣщалась въ огромномъ покойномъ креслѣ со всевозможными приспособленіями, обкладывалась подушками. Неподалеку отъ этого кресла на небольшомъ мозаичномъ столикѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ. Прямо противъ кресла генеральши на темномъ фонѣ обитой бархатомъ стѣны висѣлъ портретъ покойнаго „тирана“, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ Павловскаго времени, со всѣми знаками отличія, въ тяжелой вычурной рамѣ, наверху которой по-

мѣщался гербъ Пронищевыхъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ какими то неслыханными звѣрями.

Генеральша, въ этой бархатной комнатѣ, освѣщавшейся блѣднымъ свѣтомъ лампы, казалась видѣніемъ минувшаго времени—со своей напудренной прической, въ своей робѣ.

Но она достигала цѣли. Это освѣщеніе дѣлало ее на видъ очень моложавой и привлекательной, скрывало густой слой бѣлиль и румянъ, лежавшій на увядшихъ щекахъ ея.

Въ настоящее время генеральша уже было лѣтъ семьдесятъ пять. Она высохла, сморщилась, но все еще въ темнотѣ производила впечатлѣніе. Глубокіе черные глаза ея иногда такъ и горѣли изъ подъ разрисованныхъ, насыщенныхъ бровей.

Посидѣвъ нѣсколько минутъ неподвижно, пристально глядя на портретъ покойника, генеральша протягивала руку къ сонечкѣ, звонила. Черезъ минуту шевелилась портьера, неслышимъ шагомъ появлялся благообразный старый лакей, неся серебряный подносикъ съ кофе и печеньемъ.

Вслѣдъ за кофе тоже неслышно вѣгла въ будуаръ маленькая мохнатая бѣлая собаченка и укладывалась на подушкѣ у генеральшинихъ ногъ, ожидая обычного кормленія сахаромъ.

Такимъ образомъ проходило полчаса времени. Тогда генеральша звонила вторично и на этотъ звонокъ являлась молоденькая дѣвушка, одна изъ шести воспитанницъ генеральши.

(До слѣд. №)

Пажъ Густава-Адольфа.

Исторический разсказъ Конрада Мейера.

(Продолженіе)

III.

Съ страшнымъ крикомъ проснулся Лейбельфингъ. Утро уже занялось и пажъ нашелъ своего короля въ самомъ хорошемъ настроеніи духа; отъ королевы пришло письмо, въ которомъ не было ничего особенно важнаго и спѣшнаго, но—въприникѣ она просила супруга разсудить одно дѣло, близко ея касавшееся; извѣстный своей безнравственностью герцогъ Лауэнбургскій, женился, какихъ нибудь два мѣсяца предъ тѣмъ, по политическимъ видамъ, на одной изъ безчисленныхъ родственницъ королевы, вскорѣ однако, блокурия косы и водянистые глаза молодой ему надоѣли и, сокративъ медовый періодъ брачной жизни, онъ поспѣшилъ возвратиться въ шведскій лагерь, куда привезъ съ собой молодую красавицу славянку, которую отбилъ у Фридландскаго прикрытия, и теперь королева просила положить быстрый конецъ грѣху Лауэнбургца, притворявшагося при королѣ, но хваставшагося своимъ скandalомъ предъ боевыми сподвижниками и товарищами. Густавъ-Адольфъ немедленно отдалъ приказъ доставить славянку (имя ея было Коринна) къ нему, въ теченіи восьми часовъ, которые онъ предполагалъ провести на краткой рекогносцировкѣ. Строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣчный, онъ рѣшилъ дѣвушку освободить и возвратить отцу, въ Валенштейнскій лагерь; пажу Лейбельфингу онъ велѣлъ остаться, поручивъ ему написать королевѣ отвѣтъ, къ которому потомъ хотѣлъ прибавить нѣсколько строкъ собственной рукой. Прошло восемь часовъ, но король еще не возвратился; Коринна же, доставленная двумя шведскими пикнерами, была сдана пажу, сидѣвшему въ прихожей надъ своимъ письмомъ. Тутъ же на столѣ лежали его шпага и пистолетъ. У воротъ небольшаго замка, занятаго подъ помѣщеніе короля, стояла стража.

Съ любопытствомъ взглянула пажъ на плѣнницу и былъ пораженъ ея красотой; черные какъ смоль косы, окаймляли очаровательное лицо съ темными, глубокими, но спокойно смотрѣвшими глазами; ея невысокая, ностройная фигура была прикрыта поспѣшно и беспорядочно наброшенной пестрой одеждой; дѣвушка, очевидно, была взволнована, она тяжело дышала.

Молчаніе сдѣлалось ей нестерпимымъ.

— Гдѣ король? спросила она громкимъ отъ волненія голосомъ, почти вскрикнувъ.

— Уѣхалъ, скоро воротится, отвѣтилъ Лейбельфингъ, самыми низкими своими нотами.

— Пусть только король не думаетъ, что я уйду отъ герцога! съ страстнымъ раздраженіемъ продолжала дѣвушка,—я люблю его до смерти; да и куда же мнѣ идти? Къ моему отцу? Отъ него мнѣ нечего ждать хорошаго; нѣтъ, я остаюсь; король не можетъ приказывать герцогу, мой герцогъ — имперскій князь!

Ясно было, что славянка повторяла то, что слышала отъ самого Лауэнбургца.

— Ну, дѣвушка, обѣ этомъ нечего толковать, возвразилъ пажъ Густава-Адольфа,—какой бы онъ тамъ ни былъ имперскій князь, а король—его военачальникъ, и твоему Лауэнбургцу придется повиноваться.

— Герцогъ, злобно продолжала славянка,—происходитъ отъ благороднѣйшей крови, а король—потомокъ простаго шведскаго мужика.

Вѣроятно ея другъ Лауэнбургецъ рассказалъ ей исторію Густава Вазы. Вспыхнувшій Лейбельфингъ поднялся съ своего мѣста и близко подошелъ къ Кориннѣ.

— Что такое ты говоришь? строго спросилъ онъ ее.

Испуганная дѣвушка, перемѣнившись вдругъ тонъ, бросилась ему на шею:

— Милый красавецъ! помогите мнѣ! Вы должны мнѣ помочь! Я люблю Лауэнбургца и не уйду отъ него!

И она принялась цѣловать его, ласкать и прижимать къ себѣ, но—внезапно отступивъ на шагъ, разразилась громкимъ, насыщеннымъ хохотомъ.

Пажъ поблѣднѣлъ отъ ужаса.

— Сестричка, прошептала Коринна съ лукавымъ взглядомъ,—ты съ своимъ вліяніемъ...

Но тутъ Лейбельфингъ, схвативъ ее и бросивъ на колѣни, быстро взялъ одинъ изъ пистолетовъ и приставилъ къ ея маленькой головкѣ.

— Стрѣляй! крикнула Коринна въ изступленіи—и пусть будетъ конецъ и радостямъ и горю!

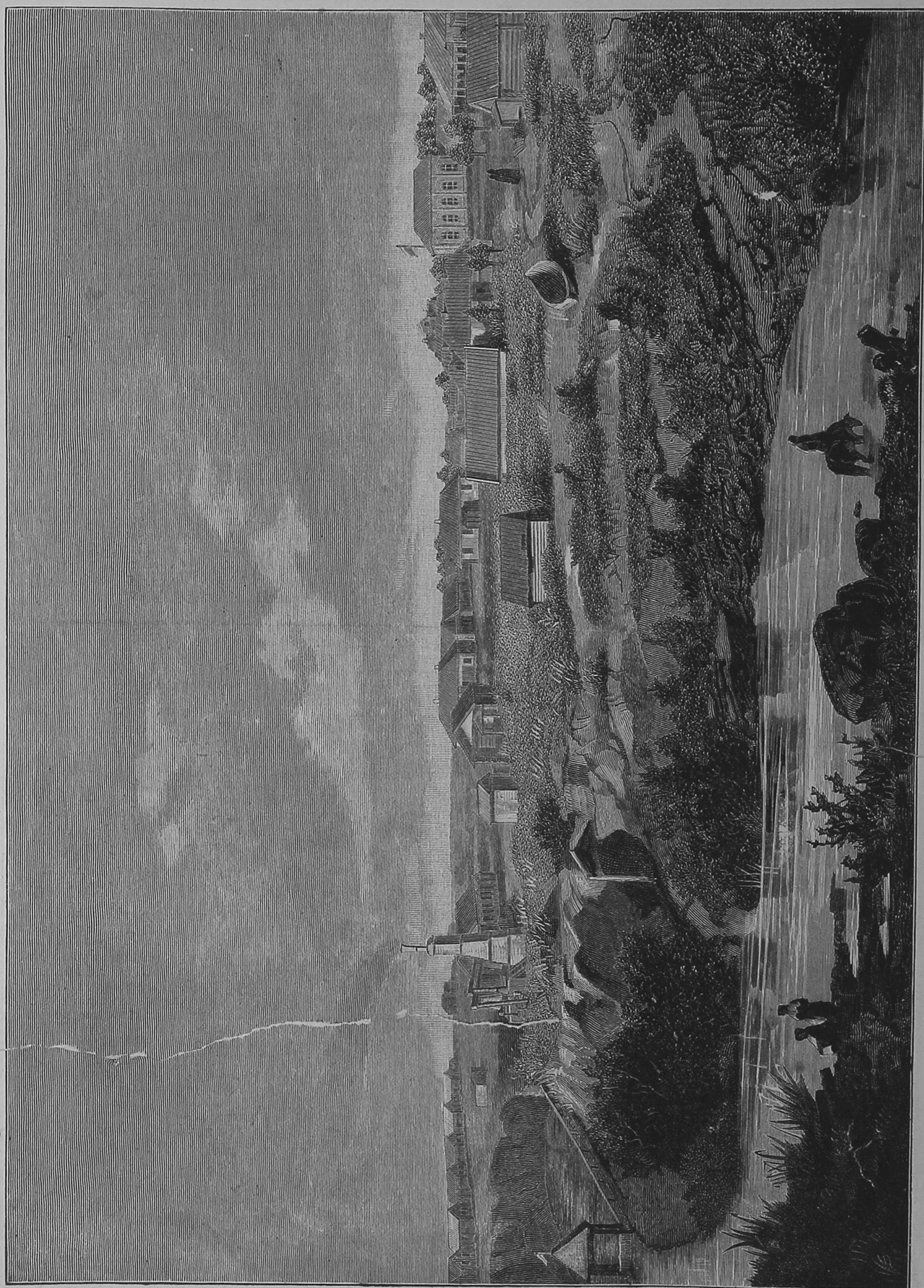
— Клинусь моимъ спасеніемъ, что король ничего не знаетъ, произнесъ Лейбельфингъ, блѣдный, но спокойный и нажимая холодное дуло на самую середину лба дѣвушки.

Отвѣтомъ была только недовѣрчивая улыбка.

— Король ничего не знаетъ о томъ, повторилъ пажъ,—и ты поклянешься мнѣ этимъ крестикомъ—онъ выдернулъ у нея изъ груди маленький крестикъ, висѣвшій на золотой цѣпочкѣ.—Отъ кого это онъ у тебя? Отъ твоей матери, говоришь?—Ты поклянешься мнѣ этимъ крестикомъ, что и ты также ничего не знаешь обѣ этомъ! Скорѣй, не то стрѣляю!

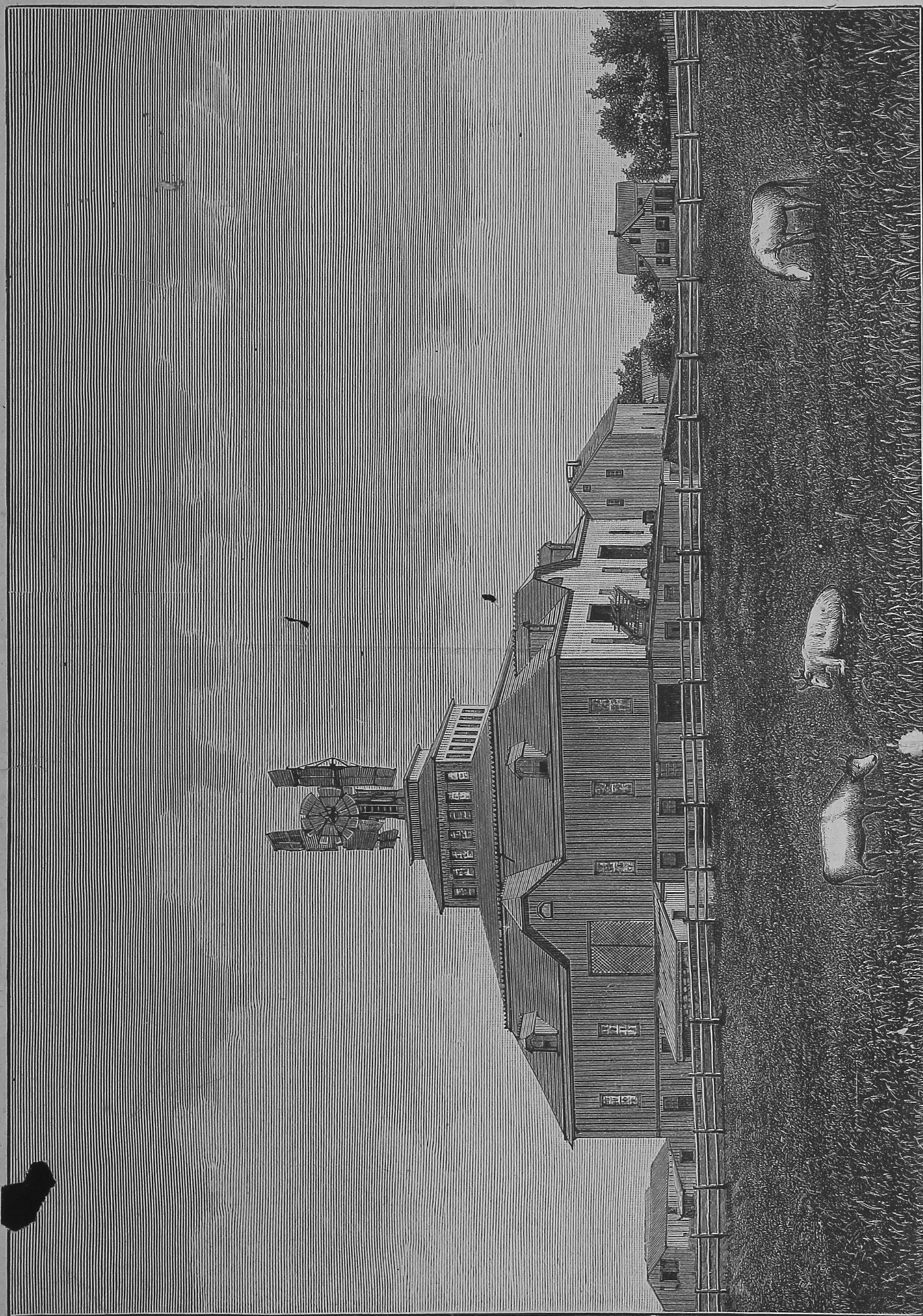
Но пажъ опустилъ свое оружіе, такъ какъ въ эту минуту услыхалъ лошадинный топотъ, шумъ привѣтственныхъ, военныхъ кликовъ и тяжелые шаги короля на лѣстницѣ. Онъ бросилъ еще одинъ взглядъ на подымавшуюся съ колѣнъ Коринну, взглядъ полный мольбы, который не смѣлъ произнести вслухъ: Пощади! я—въ твоей власти! Не выдавай меня! Я люблю короля!

Густавъ-Адольфъ вошелъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ былъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, вошелъ строгій и гнѣвный, какъ судья въ Израилѣ, какъ библейскій герой, который

Столыпинскія Минеральныя Воды (Самарск. губ., Николаевск, уѣзда).

Рис. съ натуры Л. Игоревъ, грав. М. Рашевской.

С. Американские Штаты. Въ Штатѣ Иллинойсъ. Ферма г. Миллера. Съ фотогр. грав. М. Рашевской.

герцога, прижавь такъ сильно, что тотъ нѣсколько секундъ, пока король ее держалъ тамъ, казался хромымъ: „Ты—имперскій князь, милый мой, и я не могу тебя казнить, но пусть коснется тебя рука палача“.

Затѣмъ король повернулся и вышелъ, палачъ мѣрнымъ шагомъ послѣдовать за нимъ.

Пажъ Лейбельфингъ, втиснутый столпившимися дворянами въ оконную нишу, завѣшанную тяжелой камчатной портьерой съ большими кистями—хочоталъ тамъ отъ удовольствія, почти до слезъ во время происходившей въ залѣ сцены; послѣ кроваваго эпизода съ Коринной, эпизода, который произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе, по, въ то же время, и уменьшилъ его страхъ,—всѣ эти пристыженіе королемъ князья казались ему какими-то смѣшными фигурами комедіи; затѣмъ, при первомъ же словѣ, произнесенномъ герцогомъ Лауэнбургскимъ, онъ былъ испуганъ тѣмъ необычайнымъ сходствомъ, которое оказывалось между голосомъ этого князя и его собственнымъ голосомъ—то былъ тотъ же самый звукъ, тотъ же самый тембръ; испугъ его усилился еще болѣе, когда, послѣ ухода короля, Лауэнбургскій произнесъ съ искусственнымъ смѣхомъ:

— Этотъ шведскій мужикъ ругался какъ простой конюхъ! Чортъ возьми—разсердили же мы его сегодня! Pereat Gustavus! Да здравствуетъ нѣмецкая свобода! Ну, братъ мой, сказалъ герцогъ одному изъ стоявшихъ около него князей и дотрогиваясь до его руки,—съиграемъ въ моей палатѣ! Я вѣдѣль приготовить бочонокъ вюрцбургскаго!—Тотъ, однако, вѣжливо вы-свободивъ свою руку, поклонился и возразилъ: „очень жалѣю, ваша милость, но уже отозванъ“. Герцогъ обратился къ другому съ не менѣе веселымъ и ласковымъ приглашеніемъ: „Ну, а ты, товарищъ, не можешь мнѣ отказать! вѣдѣль, за тобой—реваншъ!“ Но тотъ—человѣкъ всыпъчивый, раздражительный, повернувшись, безъ всякихъ разговоровъ, спину; и къ кому ни обращался герцогъ, кого ни приглашалъ—отъ всѣхъ и каждого получалъ онъ еще болѣе невѣжливые, еще болѣе рѣзкіе отказы; все отъ него отворачивалось при его приближеніи, вокругъ него образовалась пустота и вскорѣ онъ остался въ комнатѣ совершенно одинъ. Теперь, онъ ясно понялъ, что отнынѣ оставленъ своими равными, что они рѣшились изѣгать его; черты его исказились и бѣшено потрясъ онъ кулакомъ; что такое прощенталъ герцогъ—пажъ не разслышалъ, но выраженіе гордаго лица было, въ эту минуту, такъ странно, что Лейбельфингъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

IV.

Вечеромъ того же дня, королю было доложено, что въ лагерь прибылъ одинъ изъ главныхъ вождей арміи герцога Фридландскаго; дѣло, можетъ быть, шло о погребеніи павшихъ въ послѣдней стычкѣ, или о какомъ либо соглашеніи, что перѣдко происходило между обоими враждебными войсками.

Пажъ Лейбельфингъ ввелъ вождя въ только что опущенную приемную, попросивъ обождать пока онъ доложитъ; но валленштейнецъ, сухощавый мужчина, съ желтымъ и рѣшительнымъ лицомъ, остановилъ его, сказавъ, что желалъ бы отдохнуть послѣ своей быстройѣзды; небрежно бросился онъ въ кресло и обратился равподушнымъ тономъ къ стоявшему передъ нимъ пажу.

— Вашъ голосъ мнѣ будто знакомъ; какъ ваше имя?

Но Лейбельфингъ былъ увѣренъ, что никогда не видалъ и нигдѣ не встрѣчалъ этой холодной и повелительной фигуры.

— Я—королевскій пажъ Лейбельфингъ изъ Нюрнберга, къ услугамъ вашей милости.

Городъ искусный на всѣ мастерства, замѣтилъ тотъ, съ прежнимъ равнодушіемъ,—сдѣлай мнѣ удовольствіе примѣрить эту перчатку—она съ лѣвой руки; въ моей юности, іезуиты, у которыхъ я воспитывался, пріучили меня подымать на дорогѣ всякіе оброненные предметы; это была хорошая привычка, привычка скромнаго и услужливаго юноши, но теперь она, въ моемъ званіи военачальника, мнѣ не совсѣмъ уже кстати, а все таки она у меня осталась; съ этими словами онъ вытащилъ изъ кармана кожаную перчатку, какія тогда обыкновенно носили, но, только эта отличалась особымъ изяществомъ и стройностью формы, такъ что попробуй рука валленштейновскаго или шведскаго солдата натянуть ее на себя, то непремѣнно разорвала бы по всѣмъ швамъ;—„я, прибавилъ военачальникъ, поднялъ ее на первой снизу ступенькѣ наружной лѣстницы.“

Лейбельфингъ, хотя нѣсколько и задѣтый высокомѣріемъ и повелительнымъ тономъ непріятельского вождя, взялъ, однако, безъ всякаго недовѣрія и съ надлежащею вѣжливостью, перчатку и надѣлъ на свои тонкіе пальцы; она пришла какъ разъ по рукѣ, будто облила ее.

— Это—ваша перчатка, сказълъ незнакомецъ съ улыбкой.

— Нѣть, возразилъ удивленный пажъ,—я не ношу такой тонкой кожи.

— Такъ, дайте ее сюда назадъ! и вождь взялъ перчатку обратно; затѣмъ онъ медленно поднялся съ своего мѣста и поклонился, такъ какъ въ комнату вошелъ король.

Густавъ-Адольфъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ все съ возвращающимъ изумленіемъ, зрачки его выпуклыхъ и блестящихъ глазъ сильно расширились.

— Вы—здѣсь, господинъ герцогъ? произнесъ онъ медленно. Онъ никогда не видалъ Валленштейна, но тотчасъ же узналъ по тѣмъ безчисленнымъ его изображеніямъ, которыя нерѣдко попадались ему въ руки и при томъ же это лицо, эта голова носили столь своеобразный отпечатокъ, что ошибиться было невозможно.

Валленштейнъ поклонился еще разъ въ знакъ отвѣта. Король, въ свою очередь, наклонилъ голову.

— Привѣтствуя ваше высочество, готовъ къ вашимъ услугамъ; что угодно вамъ отъ меня, герцогъ? произнесъ онъ, давъ знакъ пажу удалиться.

Лейбельфингъ бросился въ свою узенькую каморку, расположенную около королевской спальни и приходившуюся отчасти къ приемной; въ немъ былъ какой-то страхъ, страхъ, который ему внушало не присутствіе страшнаго полководца, а подозрительное значеніе этого послѣдняго посѣщенія; смутное чувство говорило ему о тайной связи между появлениемъ Валленштейна и его судьбой.

Движимый болѣе своимъ страхомъ, нежели любопытствомъ, пажъ тихо и неслышно отворилъ глубокій шкафъ, сквозь заднюю щель которого онъ уже одинъ разъ—только одинъ единственный разъ—смотрѣлъ на короля, насмотрѣлся на него вволю. И теперь онъ ясно видѣлъ и слышалъ все, что происходило въ той комнатѣ.

Король и герцогъ, сидѣвшіе одинъ противъ другаго, съ минуту молчали, незамѣтно наблюдая другъ за другомъ. Оба понимали, что теперь, въ самомъ разгарѣ борьбы, отъ исхода которой зависитъ дальнѣшшая судьба Германіи и почти наканунѣ рѣшительного сраженія, уже не было мѣста никакимъ соглашеніямъ между ними. Въ первыхъ же словахъ герцога Фридландскаго королю прямо высказалось сознаніе этого.

— Ваше величество, сказълъ онъ,—я являюсь къ вамъ по личному дѣлу.

На лицѣ Густава-Адольфа мелькнула холодная улыбка.

Герцогъ продолжалъ:

— Въ тѣ ночи, когда у меня бываетъ бессонница, я, обыкновенно, читаю въ постели; вчера или сегодня рано я нашелъ въ однихъ французскихъ мемуарахъ очень занимательную исторію и притомъ—исторію истинную, подкрепленную судебнымъ показаніемъ адмирала—говорю объ адмиралѣ Колини, котораго признаю замѣчательнымъ полководцемъ; съ позволеніемъ вашего величества, расскажу эту исторію. Однажды, къ адмиралу вошелъ одинъ партизанъ, по имени, кажется, Пальтра, или—не помню: вошелъ онъ какъ сумасшедший бросился въ кресло и, принявши говорить самъ съ собой и жаловаться на противника адмирала, Франциска Гиза, выразилъ желаніе его убить; повторяю—человѣкъ этотъ говорилъ какъ сумасшедший; адмираль не сказалъ объ этомъ ни слова и—Францискъ Гизъ палъ отъ пули...

— Если Колини такъ поступилъ, перебилъ король,—то я не одобряю его; онъ поступилъ нечеловѣчно и не по христіански.

— И не по рыцарски, съ холодной усмѣшкой замѣтилъ Валленштейнъ.

— Къ дѣлу, ваше высочество, сказълъ король.

— Ваше величество, нѣчто подобное произошло со мной сегодня, но только еще при болѣе искусственной обстановкѣ; мнѣ доложили, что прибылъ одинъ изъ вашихъ и такъ какъ я былъ занятъ, то вѣдѣль ввѣсти его въ соседнюю комнату; а когда вышелъ туда, то нашелъ его задремавшимъ подъ вѣнцемъ утренней жары; во снѣ онъ сильно бредилъ и изъ техъ немногихъ словъ, которыхъ онъ произнесъ явственно, я могъ понять, что ваше величество чѣмъ-то его смертельно оскорбили и что, поэтому, онъ рѣшился во что бы то ни стало вѣсть убить; это ему сдѣлать легко, такъ какъ онъ близокъ къ вашему величеству и находится ежедневно при вашей особѣ; разбудивъ его и не желая длинныхъ съ нимъ разговоровъ, я прямо спросилъ—что ему надо; дѣло, будто бы, шло о какомъ-то прирейнскомъ уроженцѣ, находившемся на службѣ у императора и давно пропавшемъ безъ вѣсти; я даль отвѣтъ и отпустилъ этого хитреца; объ имени его я не спрашивалъ, потому что онъ, конечно, называлъ бы какое нибудь вымышленное; но арестовывать его только на основаніи словъ, вырвавшихся во снѣ, было бы безпощадно и крайне несправедливо.

— Совершенно согласенъ, замѣтилъ король.

— Государь, произнесъ Валленштейнъ, отчеканивая каждый слогъ,—ты предупрежденъ!

Нѣсколько мгновеній Густавъ-Адольфъ молчалъ въ задумчивости.—„Я не желаю терять времени и обременять свойъ розысками по такимъ неопределѣленнымъ указаніямъ,“—онъ затѣмъ,—моя жизнь въ Божьей руки; ваше высочество имѣть ли какихъ нибудь иныхъ, болѣе ясныхъ признаковъ?

Валленштейнъ вынулъ перчатку. „Мой слухъ и этотъ кусокъ кожи—единственные признаки, которыми могу служить; забыть сказать вашему величеству, что мой сонный гость—стройный мужчина, съ какимъ то ничего не выражаютъ лицомъ, вѣроятнѣе всего на немъ была маска, въ родѣ тѣхъ, какія такъ искусно дѣлаются въ Венециѣ; но его голосъ—замѣчательно пріятнаго звука—баритонъ, или скорѣе—низкій контрабасъ, очень похожій на голосъ вашего пажа, къ тому же перчатка,

которую онъ уронилъ, а я поднялъ, — какъ разъ пришлась по рукѣ пажа".

Король отъ души расхохотался: "я Лейбельфингу довѣрю все, съ закрытыми глазами!.."

— Я и не подозрѣваю этого юноши, возразилъ герцогъ, — у него хорошее честное лицо, напоминающее мнѣ смѣлыя, славные лица моихъ богемскихъ босоногихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, но, ваше величество, я не поручусь ни за кого; лицо можетъ обманывать, — а если оно и не обманываетъ — я бы не держалъ около себя пажа, — будь это мой лучший любимецъ — голосъ которого звучитъ одинаково съ голосомъ моего певчаго и рука которого имѣеть одну мѣрку съ рукой человѣка, желающаго меня убить. Это — не ясно. Это — что то роковое. Это можетъ погубить.

Густавъ-Адольфъ усмѣхнулся, ему вспомнилось суевѣrie этого гениального выскочки, доведшаго имперію — своимъ необычай-

нымъ договоромъ съ Габсбургомъ — до безвыходного положенія; не поддерживая остановившагося разговора, онъ поднялся, съ словами признательности за великодушный поступокъ герцога, при этомъ, однако, протянувъ руку къ небрежно брошенной Валленштейномъ на одинъ изъ столиковъ, перчаткѣ, — но — съ такимъ неловкимъ жестомъ близорукаго человѣка, что тотъ невольно улыбнулся.

— Я вижу съ удовольствіемъ, шутливо замѣтилъ король, провожая герцога до дверей, — что ваше высочество заботитесь о моей жизни.

— Какъ же мнѣ не заботиться? отвѣтилъ Валленштейнъ, — хотя ваше величество и я выставили другъ противъ друга свои армады, но вы, государь, и я — герцогъ почтительно обошли слово "мы" — все таки составляемъ одно; одинъ безъ другаго немыслимъ — и если ваше величество или я падемъ съ мѣровой качели — другой конецъ упадетъ на землю.

(До слѣд. №).

Стихотвореніе.

Не шумятъ говорливыя волны...
Море спитъ подъ сіяніемъ луны...
Небеса темносинія полны
Нерушимой святой тишины...

* * *

Сонный берегъ не шепчется съ моремъ,
Объ утесъ не дробится волна...
Тихо все... Лишь душа моя горемъ
И тоской безъисходной полна...

* * *

Тамъ, за далью широка моря,
Гдѣ прозрачны всегда небеса,
Гдѣ не зналъ я страданій и горя,
Гдѣ не виляетъ природы краса,—

* * *

Тамъ все близкое сердцу оставилъ
Я, отправясь въ чужіе края...

Дерзко въ море членокъ свой паправилъ
И — свершилась погибель моя!

* * *

Вдалекъ отъ родимаго края,
Вдалекъ отъ родныхъ и друзей,
И душою по нихъ изнывая,
Дожидаюсь я смерти своей.

* * *

Я умру... Надъ мою могилой
Соловей запоетъ ли весной?
Не смутился ли пѣсней унылой
Мертвѣца замогильный покой?

* * *

Не шумятъ говорливыя волны...
Море спитъ подъ сіяніемъ луны...
Небеса темносинія полны
Нерушимой, святой тишины...

Н. Медвѣдскій.

Вліяніе музыки на людей и животныхъ.

Что мы не безразлично относимся къ музыке, это известно каждому, но не всякий знаетъ, какъ велико оказываемое ею на насъ вліяніе. А между тѣмъ вліяніе это настолько громадно, что уже не разъ высказывалась мысль, нельзя-ли музыкой воспользоваться, какъ средствомъ врачебнымъ. Какъ ни странно это звучить, но мысль эта справедлива. Музыка чрезъ посредство нашего органа слуха вліяетъ на нашу нервную систему, и производимые ею эффекты неисчислимы. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы намѣрены познакомить здѣсь читателя.

Громадное вліяніе музыки на человѣка, а также и на животныхъ, было замѣчено уже въ самой глубокой древности. Правда, здѣсь мы встрѣчаемся со сказками, но въ нихъ скрыта глубокая правда. Лири изображаетъ самъ Аполлонъ для того, чтобы звуками ея усыпить Аргуса. Орфей своимъ пѣніемъ усмиряетъ дикихъ животныхъ. Амѳіонъ поетъ, и очарованные камни сами собой кладутся на мѣсто для возведенія стѣн города Фивъ. Обращаясь къ свидѣтельству исторіи, мы находимъ, что философы и мудрецы Греціи первые признали за музыкой благодѣтельное вліяніе на нравственность и счастье народовъ, и самъ божественный Платонъ говоритъ слѣдующее: "Музыка была дана людямъ бессмертными богами не только для того, чтобы увеселять и ласкать ихъ чувства, но и для того, чтобы успокоивать ихъ душевныя бури и тѣ безпорядочныя движения, которымъ необходимо подвержено полное несовершенствъ тѣла." Въ pendant къ этимъ словамъ можно привести слѣдующее мѣсто изъ "Венецианского купца" Шекспира:

"Нѣть на землѣ живаго существа, столь жесткаго, крутаго, злаго, чтобы не могла хотя на часъ одинъ въ немъ музыка свершить переворота".

Не для доказательства, но лишь для иллюстраціи мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ. По рассказу Галена, какой-то Дамонъ изъ Милета, играя на флейтѣ воинственную пѣснь, возбуждаетъ въ нѣсколькихъ молодыхъ людяхъ яростъ; затѣмъ онъ переходитъ къ нѣжнымъ мелодіямъ и ими успокаиваетъ ихъ. Клитемнѣстра уступаетъ преслѣдованиемъ Эгиста только послѣ смерти музыканта Демадока, а Пенелопа, повидимому, лишь благодаря музыке Феніуса сохранилаѣтъ вѣрность Улиссу. Пиѳагоръ успокаиваетъ музыкой одного молодаго человѣка, готоваго растерзать на части свою невѣрную подругу. Императоръ римскій Неронъ отправляется въ Грецію лишь для того, чтобы заслужить тамъ первенство на музыкальномъ состязаніи. Турсцкій сultanъ Амуратъ IV,

заливается слезами при звукахъ музыки и даруетъ жизнь уже осужденнымъ на смерть друзьямъ своимъ.

Не слѣдуетъ думать, что вліяніе музыки всегда одно и тоже на человѣческій организмъ. Напротивъ, производимые ею эффекты чрезвычайно разнообразны. Причины этому двѣ. Во первыхъ много зависитъ отъ самого характера музыки, во вторыхъ громадное значеніе имѣеть индивидуальность каждого отдельнаго человѣка. Услыша медленные, тягучіе, такъ сказать, звуки похороннаго марша, мы едва-ли придемъ въ веселое настроение духа, хотя бы мы и не знали, что это играютъ. Съ другой стороны, едва-ли намъ захочется плакать при звукахъ "Камаринской," хотя бы мы и слышали ее въ первый разъ, хотя бы съ ея названіемъ у насъ и не соединялось представление плащащаго.

Индивидуальность, какъ уже сказано, имѣеть громадное значеніе. Есть люди, на которыхъ музыка вовсе или очень мало вліяетъ. Такова была императрица Екатерина II. Но такихъ меньшинства. Гораздо больше такихъ, нервная система которыхъ въ высшей степени воспріимчива къ музыкальнымъ звукамъ.

Тогда какъ Вольтеръ остроумничаетъ, говоря, что оперу посѣщаются для пищеваренія, совершенно иначе относятся къ музыке поэты. Гейне посвящаетъ цѣлую страницу своимъ ощущеніямъ, мыслямъ и образамъ во время игры на скрипкѣ Паганини, а Д. Ф. Штраусъ пишетъ стихотвореніе, гдѣ въ поэтическомъ образѣ говорить о томъ, какъ душа его растаяла отъ звуковъ Моцартовой музыки. Здѣсь-же слѣдуетъ упомянуть о глубоко-поэтическомъ, прелестномъ письмѣ Жоржъ Завда, которыми она желала отблагодарить Мейербера: она была одержима сплиномъ и чувствовала значительное облегченіе тогда, когда ей играли изъ оперы "Робертъ-Дьяволъ." Вѣроятно, о подобномъ, размягчающемъ, такъ сказать, вліяніи музыки на душу человѣка думалъ Шекспиръ, когда заставилъ Цезаря, при перечисленіи вредныхъ свойствъ Кассія, своего будущаго убийцы, сказать, что Кассій музыки не любить.

Сказавъ вышеупомянутое изрѣченіе, Вольтеръ, должно быть, и не подозрѣвалъ, сколько въ этой шуткѣ заключается правды. Жившіе до него англійскій поэтъ Мильтонъ и великий голландскій врачъ Бергаве были одного, повидимому, съ нимъ мнѣнія, такъ какъ они имѣли обыкновеніе заниматься послѣ обѣда музыкой.

Но гораздо воспріимчивѣе къ музыкальнымъ звукамъ была нервная система одного французскаго поэта, искавшаго за

скрипкой или віолончелью того вдохновенія, которое часто оставляло его. Тоже самое рассказываютъ про одного живописца. Еще сильнѣе проявлялось вліяніе музыки на знаменитой актрисѣ Малиранѣ. Услышавъ въ первый разъ симфонію ut-minor Бетховена, она упала въ судорогахъ и была вынесена изъ залы. Такова-же была и та молодая дѣвушка, про которую Вансвітенъ разсказываетъ, что мускулы ея начинало подергивать конвульсіями каждый разъ, когда ей случалось услышать звукъ колокола. До какой степени сильно можетъ проявляться дѣйствіе звуковъ на психическомъ мірѣ человѣка, показываетъ слѣдующій примѣръ.

Одинъ молодой музыкантъ пріѣхалъ изъ провинціи въ Парижъ. Однажды онъ пошелъ на оперу Спонтини „Весталка“ и, прослушавъ ее, считалъ невозможнымъ снова спуститься въ нашъ прозаический міръ изъ того міра звуковъ, гдѣ онъ былъ. Онъ предупредилъ письмомъ друзей своихъ о своемъ намѣреніи, прослушалъ оперу еще два раза и затѣмъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ.

Вліяніе музыки на массы людей громадно, и проявляется при этомъ рѣзче, чѣмъ при какомъ-бы то ни было другомъ слушачѣ. Вотъ почему полководцы посылаютъ своихъ солдатъ умирать подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ. Извѣстенъ такой фактъ. Волынка есть любимый инструментъ горныхъ шотландцевъ. Во время битвы при Квебекѣ въ 1760 году, когда британскія войска стали отступать въ беспорядкѣ, генераль сталъ жаловаться на ихъ трусость. „Милордъ“, возразилъ ему одинъ изъ офицеровъ, „вы сдѣлали громадную ошибку, запретивъ играть на волынкахъ; ничто такъ не ободряетъ горцевъ, какъ музыка; даже теперь музыка могла бы быть еще полезна.“

„Пусть - же они играютъ себѣ, сколько хотятъ, если это можетъ поправить дѣло,“ сказалъ генераль. Тотчасъ былъ данъ приказъ заиграть воинственную пѣснь, и едва звуки ея достигли до шотландцевъ, какъ они стали возвращаться на свои прежнія мѣста. Сэръ Костъ тоже, должно быть, имѣлъ случай убѣдиться, во время послѣдней войны въ Индіи, въ глубокой привязанности горцевъ къ музыке своей страны, такъ какъ, послѣ битвы при Порто-Нуово, онъ подарилъ имъ 50 ф. стерл. на покупку волынки.

Въ своемъ сочиненіи объ упадкѣ и паденіи Римской имперіи Гиббонъ доказываетъ, что звукъ, ускоряя движение крови, дѣйствуетъ на человѣческій организмъ съ той-же силой, чтобъ и краснорѣчіе. Чтобъ философъ доказывалъ умозрительно, то глубоко наблюдательный умъ Гретри, этого замѣчательнаго исто-

рика музыки, старался доказать опытнымъ путемъ. Онъ говоритъ: „Я кладу три пальца правой руки на лучевую артерію (пульсъ) лѣвой и начинаю пѣть про себя арію, таکъ которой совпадаетъ съ біеніемъ пульса; затѣмъ я начинаю пѣть арію другимъ таکтомъ и чувствую, что пульсъ или ускоряется или замедляется, смотря по моей аріи.“

Первая система животныхъ устроена по аналогіи съ человѣкомъ, и поэтому уже заранѣе можно сказать, что и для нихъ музыкальные звуки не безразличны. И дѣйствительно вліяніе музыки на собакъ и полковыхъ лошадей — есть фактъ общеизвѣстный.

Не будемъ говорить ни о дельфинахъ, которые, по разсказу поэта, переносили пѣвцовъ на своихъ спинахъ на другой берегъ, ни о крысахъ, которыхъ Бурдело видѣлъ будто бы пляшущими подъ музыку на ярмаркѣ въ С. Жерменѣ. Остановимся только на такихъ фактахъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Наблюдая за птицею (канарейкою, попугаемъ), которой даютъ урокъ музыки, вы видите, что при первыхъ звукахъ она дѣлается внимательна, и лишь движенія ея крыльевъ указываютъ на то дѣйствіе, что производятъ на нее звуки музыки. Вскорѣ она начинаетъ напѣвать мотивы, чтобъ эта слышала отъ васъ, и раньше или позже, смотря по своимъ музыкальнымъ способностямъ, и повторять ихъ. Гретри съ соболѣзнованіемъ говоритъ о наукѣ, который спускался на своей паутинѣ на фортепіано каждый разъ, какъ только за него садился музыкантъ, и который былъ раздавленъ однимъ изъ друзей Гретри. Таковъ-же и пакъ Пелиссона, товарища его по тюрьмѣ. Какъ-то въ одномъ французскомъ журалѣ былъ помещенъ слѣдующій разсказъ. Во время экспедиціи для

отысканія сэра Джона Франклина одинъ изъ гарпунщиковъ хотѣлъ убить одну изъ акулъ, во множествѣ плававшихъ около судна. Но онѣ не приближались. Тогда гарпунщикъ сталъ настыивать, такъ какъ онъ зналъ по опыту, что киты и акулы всегда поддавались вліянію этой музыки.

Относительно собакъ Гретри говоритъ, что они воютъ только при диссонансахъ, и никогда, если мелодія проста. Одна собака, по разсказу Ричарда Меда, не могла вынести одного тона, и когда музыкантъ упорно держался этого тона, она наконецъ упала въ конвульсіяхъ.

Мы уже раньше упоминали, что вліяніе музыки бываетъ различно, смотря по ея характеру. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытенъ концертъ, данный двумъ слонамъ въ Парижскомъ Ботаническомъ Саду во времена великой фран-

Древная икона Тихвинской Божіей Матери. 500-лѣтіе иконы. Съ фотogr. грав. Ю. Барановскій.

500-лѣтіе иконы Тихвинской Божіей Матери. Видъ Тихвинскаго монастыря. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

цузской революции (10 февраля 6 года). Концерт начался ароями на двух скрипках и фаготе в си—мажорном тоне. Испугавшиеся — было слоны вскоре успокоились, и когда раздалась ария в си—минорном тоне из «Ифигении в Тавриде», стали ходить по своему помешанию в такт музыки. При этом они по временам издавали крики, что было приписано гневу. Но спрошенный об этом вожак отвечал, что слоны не сердятся. Затем при простой и нежной арии, игранный в си—минорном тоне, слоны слушали неподвижно и не помешали ни одним криком. Но они тотчас стали двигаться, кричать и свистеть как только услышали веселую пьесу «Саага», игранную в ге. Когда же было перемешено на фа, слоны тотчас успокоились: ария была также, не то было выражение, была также гармония, не было прежней энергии. Не было возобновлено снова, и снова получился прежний эффект: слоны снова стали ходить и криками выражать свои чувства. Но вот раздалось пение двух человеческих голосов и успокоило их.

Таким образом, действие музыкальных звуков на че-

ловека и животных стоит вида всякого сомнения. Поэтому, когда говорят о возможности пользоваться музыкой, как средство целебное, в этом нет ничего странного. Можно ли смеяться над Демокритом, рекомендовавшим музыку против чумы, над Галеном и Дезом, рекомендовавшими ее — первый при укусении змей и скорпионов, второй — при укусах бешеными собаками, но нельзя смеяться над Цельзием, говорившим о музыке, как о средстве успокаивать страдающих. Цельс жил в начале нашей эры. С тех пор ученые писали много фактов, доказывающих справедливость мысли римского врача, а в некоторых домах для уединенных уже на опыте убеждаются в благодетельном влиянии музыки на помраченное сознание пасчастных пациентов. Не даром же законодатели древности думали посредством музыки управлять целыми народами, и Полибий, говоря о музыкальных народах Аркадии, противополагает мягкость их правовъ грубости обитателей Кипра, которые пренебрегали музыкой.

Къ рисункамъ.

Полуночное солнце на Лофодденѣ.

(Рис. на стр. 612 и 613).

Близъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи есть группа весьма малонаселенныхъ каменистыхъ острововъ — Лофодденскихъ. Рисунокъ нашъ представляетъ береговая скалы одного изъ острововъ Лофоддена, озаренные лучами полуночного солнца.

Наши сѣверные, такъ называемыя «блѣлая ночи» даютъ неизвестное, хотя слабое попытіе о лѣтней полярной ночи. У насъ только не наступаетъ темноты и все освещено ровнымъ, какимъ-то холоднымъ светомъ, который действуетъ раздражительно на южного жителя, не привычного къ такому явлению. Но на далекомъ сѣверѣ лѣтомъ солнце светить почкою также ярко, съ такимъ же блескомъ, какъ днемъ. Уже въ Петербургѣ, во время лѣтняго солнцестоянія, солнце въ самую полночь опускается только на 6°35' ниже горизонта. Въ холодныхъ странахъ, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, непрерывный день длится по несколько недѣль, даже по несколько мѣсяцевъ, смыкая собою такую же непрерывную полярную ночь. На сѣверномъ полюсе солнце не сходитъ съ горизонта съ 9-го марта по 11-е сентября. Въ широтѣ 70°, на которой расположены Лофодденские острова, солнце не заходитъ 65 дней.

Сказание о странѣ съ незакатнымъ днемъ, безъ ночи, не вымыслъ и это знали и прежде. Уже Пиоэй, за триста лѣтъ до христіанской эры, говорить, что на сѣверѣ Евроы есть дивная страна, где солнце не заходитъ много мѣсяцевъ. Желаніе узнать этотъ чудный край, заставило его покинуть свою прекрасную родину Массилию; онъ отправился за полярный кругъ и былъ очарованъ полуночнымъ солнцемъ. Вернувшись на родину, онъ нашелъ только недовѣрчивыхъ слушателей, и его рассказы о застывшемъ ледяномъ морѣ, которое переполнено морскими звѣздами и препятствуетъѣздѣ, возбуждали смѣхъ въ его сошлемникахъ-грекахъ, которые никогда не могли видѣть на Средиземномъ морѣ, какъ вода при замерзаніи образуетъ ледяную кору, плавающую на поверхности.

Спустя болѣе ста лѣтъ послѣ того, король Альфредъ англійский послалъ Отера на сѣверъ для изслѣдованія сказочной страны Пиоэя. Отеръ разсказывалъ потомъ королю, что онъѣхалъ къ сѣверу очень долго, имѣя по правую руку необитаемую цѣль горъ, а по лѣвую — море. Дни становились все длиннѣе и длиннѣе и наконецъ слились въ одинъ безконечный день. Море во время путешествія было бурно и бѣлый туманъ стлался по волнамъ. Король все записывалъ разсказъ. Но когда Отеръ началъ говорить объ усѣихъ своей охоты, какъ онъ со своими пятью спутниками, въ два дня, убилъ пятьдесятъ моржей и тюленей, король въ сомнѣніи положилъ перо.

И действительно, сѣверъ Норвегіи представляетъ дивную страну, где солнце не заходитъ цѣлое лѣто, но за то оно смыкается одинаково длиной ночью во время зимы. Зимнее время, житель сѣвера Норвегіи — дома, въ семье, при вѣчномъ свѣтѣ лампы. Немногія семейства пасторовъ, докторовъ — единственныхъ образованныхъ здѣсь людей — изъ года въ годъ живутъ въ этой ночи. Навѣщаются имъ изрѣдка ближайшая знакомая семья. Ближайшая, значитъ живущія на расстояніи миль, и путь къ нимъ по бурному зимнему морю въ лодкѣ, не очень заманчивъ.

Удивительно, какъ увеличиваются дни, еслиѣхать лѣтомъ на сѣверѣ. Еще въ Копенгагенѣ, сверкаютъ на небѣ звѣзды, но въ Христіаніи напрасно мы будемъ искать ихъ. Въ Дроитгеймѣ уже неѣтъ болѣе сумерекъ. Передъ нами ясно видѣть Фіордъ съ его голубоватыми горными берегами, а блестящая лучистая корона на сѣверѣ показываетъ мѣсто, где солнце скрывается на несколько часовъ. Дроитгеймъ можетъ считаться пунктомъ, отъ которого, собственно, нужно начинать путешествіе. Шведы также выѣжаютъ смотрѣть солнце къ горѣ Авасакса. Но поѣзда должна быть предпринята во время солнечного поворота, такъ какъ съ высоты этой горы, въ полуночную пору солнце видно только шесть дней. Въ Норвегіи же, съ Нордкапа, оно видно еще въ Августѣ.

Кто хочетъ видѣть это дивное явленіе, въ полдень выѣзжать изъ Дроитгейма; вдали видѣется залитый солнцемъ архипелагъ: сотни острововъ и рифовъ, изъ которыхъ некоторые выдаются надъ моремъ только на несколько футовъ. У фіорда Намсесъ солнце закатывается только въ одиннадцать часовъ вечера. Напрасно, привыкшій къ такому зрѣлицу, капитанъ приглашаетъ спать; еще два часа пассажиры слѣдятъ за сѣвернымъ сияніемъ, видѣющимся на небѣ. Затѣмъ наступаетъ солнечный день, съ такой необыкновенной прозрачностью воздуха, о какой на югѣ Евроы не имѣютъ понятія. Къ вечеру приближаются къ Гестманду — острову, напоминающему своей формой рыцаря, устремляющагося въ море. Солнце все болѣе и болѣе садится, когда проѣзжаютъ мимо глетчера Свартизена, вышина которого достигаетъ четырехъ тысячъ футовъ. Далѣе дорога идетъ мимо мыса Куненъ, а затѣмъ, на расстояніи двадцати миль надъ широкимъ зеркаломъ западнаго фіорда, открывается величественный видъ: верхи Лофодденовъ. Уже полночь, солнце стоитъ на два градуса надъ горизонтомъ. Отъ Бодѣ путь по западному, бурному фіорду идетъ къ громадной цѣни Лофодденскихъ острововъ. Это не разрозненный архипелагъ, но цѣнь горъ, въ которой теченія между отдельными островами образуютъ долины, наполненные водою. Здѣсь, на сѣверѣ Норвегіи, испытываешь такое впечатлѣніе, точно будешь по затопленной странѣ, и выдающіяся изъ подъ воды горы кажутся вершинами цѣпей горъ, скрытыхъ водою. Всюду, гдѣ поселился человѣкъ со своими домашними животными, вблизи подъ водою находятся мильы рыбъ и китовъ. Поверхность моря постоянно оживлена: киты плаваютъ иногда десятками, пуская фонтаны воды; дельфины скакутъ изъ воды и образуя дугу спасаются въ море. Сельди здѣсь желанные гости. Сторожевые рыбаки высматриваютъ ихъ долго и при первомъ появлѣніи даютъ знать о томъ товарищамъ, которые сѣтями вылавливаютъ ихъ ежегодно миллионы. Еще дѣятельнѣе ведется ловля наваги, которая въ первые зимніе мѣсяцы, когда полярная ночь еще покрываетъ страну, приходитъ къ Лофоддену метать икру. Море здѣсь никогда не замерзаетъ; даже зимою оно сохраняетъ теплоту Гольфстрѣма, идущаго сюда изъ Мексиканскаго залива и приносящаго сюда изъ тропиковъ красное дерево и плоды южныхъ странъ. Зачастую, камни на Лофодденахъ тоятъ пахучимъ и драгоценнымъ деревомъ. Наваги ежегодно вылавливаются до тридцати миллионовъ и эта громадная цифра не заслуживаетъ вниманія сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно еще остается.

Жизнь рыбаковъ на Лофодденахъ находится въ постоянной опасности, и быть можетъ потому въ Евроѣ неѣтъ болѣе религиозного народа какъ норвежцы. Часто среди занятій на морѣ, буря застигаетъ рыбака; для своего спасенія, онъ покидаетъ свои сѣти и долженъ спѣшить въ безопасное мѣсто.

Для своего путешествія на Лофодденъ, никто не выберетъ скучнаго, опаснаго зимняго времени. Пристаютъ къ берегу въ прекрасный лѣтній день. Въ горныхъ, глубокихъ разщелинахъ еще лежитъ снѣгъ, напоминающій о зимѣ, какъ видно на нашемъ рисункѣ, но черезъ недѣлю, другую, онъ совершенно растворяется. Къ вечеру лодка мчится по узкому Зунду, по которому пролегаетъ путь на сѣверъ, къ Ледовитому морю. Еще скала скрываетъ полный видъ, но вотъ она осталась позади и сквозь туманъ вѣсъ объемлетъ море сѣта и пламя лучей багроваго, полуночного солнца...

Дѣти въ лѣсу.

(Рис. на стр. 617).

Не одинъ разъ, читатели наши встрѣчали въ «Нивѣ» кони съ картинами талантливаго нашего художника г. Корзухина, но помѣщаемая нами теперь отличается особенно милымъ и грязопыльнымъ замысломъ и выполнениемъ. Дѣтки забрались въ лѣсъ по грибы и были все веселы и щебетали какъ птички, какъ вдругъ загремѣлъ отдаленный громъ, крупные капли дождя застучали по листьямъ, громъ все грозѣе и ближе, молнии оса-

рлють ярко и страшно мгновеннымъ блескомъ окрестность, и дѣтки, перепуганныя, бросились подъ дерево. Все это задумано и выполнено тепло и правдиво, и какъ пейзажъ, такъ и фигуры испуганныхъ дѣтей прекрасно дополняютъ одно другое.

Столыпинскія минеральныя воды.

(Рис. на стр. 620).

Въ 50 верстахъ отъ торгового села Балакова, пароходной пристани на р. Волгѣ, Самарской губерніи, Николаевского уѣзда, расположено заведеніе „Столыпинскихъ минеральныхъ водъ“. Здѣсь на незначительномъ пространствѣ, имѣющемъ не болѣе 6 верстъ разстоянія своихъ крайнихъ пунктовъ, мы встрѣчаемъ необыкновенное богатство разнообразныхъ минеральныхъ водъ, а именно: обильные сѣрные источники, желѣзистые источники, разсоленную воду и минеральную грязь. Если къ этимъ натуральнымъ средствамъ прибавимъ разсолъ, приготовляемый изъ воды соленыхъ озеръ, и настоящій степной кумысъ, то Столыпинское кумысо-водолечебное заведеніе занимаетъ весьма счастливое положеніе въ ряду отечественныхъ минеральныхъ водъ, имѣя возможность успѣшного леченія очень разнообразныхъ болѣзней, посредствомъ комбинацій разныхъ своихъ средствъ. Въ виду приближающагося весенняго сезона, когда большинство страдающихъ ревматизмомъ, золотухой, застоею крови въ брюшныхъ органахъ, завалами, гемороемъ, хроническимъ катарромъ дыхательныхъ путей, болѣзнями первной системы, малокровiemъ и множествомъ другихъ хроническихъ болѣзней, ищущихъ облегченія для своихъ страданій, устремляется къ излюбленнымъ заграниценнымъ источникамъ, мы напиши совершенно умѣстнымъ привести нѣсколько сравнильныхъ цифръ количественного содержанія, какъ источниковъ Столыпинскихъ минеральныхъ водъ, такъ и заграниценныхъ. Главный представитель заграниценныхъ сѣрныхъ водъ—Аахенъ—содержитъ на 1 ф. воды 32 гр. солей и 0,04 гр. сѣроводорода; напиши знаменитый Пятигорскъ—33 гр. солей и 0,05 гр. сѣроводорода; Столыпинка—139 гр. солей и 0,21 гр. сѣроводорода. Слѣдовательно Столыпинскій сѣрный источникъ, какъ относительно содержанія солей, такъ и въ отношеніи количества сѣроводорода, болѣе чѣмъ въ 4 раза сильнѣе Аахенскихъ и Пятигорскихъ источниковъ; по запахъ сѣроводороднаго газа ощущается лишь около самыхъ источниковъ и купаленъ; на площади, где расположены вокзалъ, хозяйственная и жилая помѣщенія, воздухъ чистъ и ароматиченъ. Въ 2½ верстахъ къ сѣверу отъ заведенія находятся желѣзистые источники, которые, содержа болѣе ½ гр. желѣза на 1 ф. воды, занимаютъ, по процентному содержанию желѣза къ плотнымъ частямъ, среднее мѣсто между Дрибургскими и Пирмонтскими источниками, но отъ нихъ отличаются меньшимъ содержаніемъ угольной кислоты. Въ 4 верстахъ къ югу отъ заведенія сѣрныхъ водъ, находятся 3 соленыхъ озера, воды которыхъ, имѣя на 1 ф. 358 гр. солей, содержать въ себѣ минеральныхъ веществъ вдвое болѣе противъ Старорусскихъ и Крейцнахскихъ; втрое болѣе Славянскихъ и Киссингенскихъ и въ 5 разъ болѣе нежели Друскеники и Висбаденъ!. Изъ всѣхъ европейскихъ морей самое богатое содержаніемъ солей Средиземное, воды которого содержать въ себѣ отъ 3,0 до 5,8%. Столыпинскія разсоленные озера имѣютъ отъ 4,7 до 6,0% солей, тождественныхъ съ солями морской воды, и поэтому могутъ съ удобствомъ замѣнить сильное морское купанье. Въ этихъ же озерахъ, преимущественно въ среднемъ, находится неисчерпаемое количество минеральной грязи, которая, по мнѣнію профессора Шмидта, въ химическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, одинакового достоинства съ грязями Старорусской, Аренсбургской и Гапсалльской. Изъ этого скжатаго очерка видно, какая богатая щѣлебная сила заключается въ Столыпинскихъ минеральныхъ источникахъ и грязяхъ, и, несмотря на то, что рациональная эксплоатация ихъ началась недавно, тѣмъ не менѣе они пользуются большой известностью между больными Самарской и сосѣднихъ съ нею губерній, и эти воды ждетъ блестящая будущность. Осеню минувшаго года начались дѣятельные работы по улучшенію и усовершенствованію заведенія. Довольно красивое мѣстоположеніе, удобства сообщенія (желѣзная дорога до Волги, пароходство до Балакова), здоровый климатъ, хорошія помѣщенія и дешевизна дѣлаютъ эти воды доступными и небогатымъ, лишеннымъ возможности истратить тысячи на заграничную поѣздку.

Ферма въ Иллинайсѣ.

(Рис. на стр. 621).

Ни въ одной европейской странѣ, конечно, не ведется сельское хозяйство въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки. Только здѣсь, въ этихъ безконечныхъ преріяхъ, въ этихъ необъятныхъ пустынныхъ пространствахъ, обладающихъ благодатной почвой, человѣкъ можетъ найти желаемый просторъ для какой угодно сельскохозяйственной дѣятельности. Спросъ хлѣба и другихъ полезныхъ злаковъ громадный; торговля мясомъ ведется теперь даже съ Европой; въ рабочихъ рукахъ также нѣть педостатка, такъ какъ ежегодно масса эмигрантовъ прибываетъ

въ Америку искать для себя работы и вся эта масса ищетъ не всегда напрасно; работы для нея вдоволь, такъ какъ здѣсь кипитъ самая разнообразная дѣятельность, возникаютъ самые обширные предприятия, выполняются самые грандиозные проекты. Смѣлы пionеры проникаютъ все дальше и дальше въ глубь страны и вытесняютъ все болѣе и болѣе коренное населеніе—индійцевъ, занимая мѣста ихъ кочевьевъ укрѣпленными блокгаузами и подвергая мало по малу ихъ земли сельскохозяйственной культурѣ. Правительство не даетъ пionерамъ никакихъ поощрений; оно предоставляетъ имъ вполнѣ ихъ собственнымъ средствами, ихъ энергіи, безстрашію и смѣлости. По основному закону Соединенныхъ Штатовъ, все пространство, не вошедшее въ ихъ составъ, носитъ название территории и каждый можетъ селиться на такой территории за свой собственный страхъ и здѣсь иметь какою угодно участокъ земли по своему собственному выбору. Когда въ территории наберется до 40,000 жителей, то она уже образуетъ штатъ; всѣ владѣнія новыхъ гражданъ тогда опредѣляются съ точностью, незанятая же земля поступаетъ въ собственность вашингтонского правительства и продается тогда по частямъ, съ платою по 1¼ доллара за акръ. Вотъ на этихъ то земляхъ, завоеванныхъ смѣлыми пionерами, поселяются теперь граждане болѣе мирнаго направленія, покупаютъ маленькие участки земли и заводятъ хозяйство, стараясь какъ можно скорѣе расширить и обогатиться—т. е. достигнуть конечной цѣли всякаго чистокровнаго янки.

Въ Иллинайсѣ, какъ и въ другихъ центральныхъ штатахъ, процвѣтаютъ двѣ системы, или лучше сказать—два метода хозяйства: плантaciя и ферма. Плантaciя болѣе соответствуетъ характеру янки; скучая земли въ преріяхъ за пизкую цѣну, они заводятъ плантaciи или разбиваютъ землю на участки и продаютъ ее фермерамъ изъ европейцевъ, преимущественно нѣмцамъ. На плантaciи вся дѣятельность и капиталъ плантатора обращены на воздѣлываніе какого-нибудь одного избраннаго продукта; на фермѣ же совершенно наоборотъ. Непривычные къ обширнымъ предприятиямъ европейскіе и въ особенности нѣмецкіе хлѣбопашцы переносятъ и въ Америку ту систему хозяйства, которая ведется на ихъ отдаленной родинѣ. Купивъ небольшой участокъ земли, они устраиваютъ себѣ домъ и возводятъ хозяйственныя постройки. На своемъ участкѣ они разводятъ и майсъ, и пшеницу, и горохъ, и ленъ; обзаводятся садомъ и огородомъ; занимаются разведеніемъ самыхъ разнообразныхъ домашнихъ животныхъ и птицъ. Нѣмцы только такой фермеръ нѣсколько пріурочится къ духу страны, заразится американской предпріимчивостью, то миниатюрное хозяйство уже перестаетъ удовлетворять его и онъ заводить его уже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Одна изъ такихъ большихъ фермъ и представлена на нашемъ рисункѣ. Она принадлежитъ также не чистокровному янки, а нѣмецкому переселенцу, г. Миллеру, но послѣдній, уже давно переселившись въ Иллинайсѣ, принялъ чисто американский способъ вести свое хозяйство на самую широкую ногу. Ферма его скорѣе похожа на какую нибудь виллу, но конечно только снаружи; распахнувши двери, вы очутитесь лицомъ къ лицу съ обширными стойлами для скота и съ громадными складами для винограда и сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ центрѣ зданія помѣщается мельница, крылья которой, укрѣпленная на изящной башенкѣ, даютъ фермѣ видъ какой-то громадной мануфактуры. Въ пространствѣ, огороженномъ проволочкою изгородью, болѣе всего употребляемо въ Америкѣ, помѣщается еще много другихъ мелкихъ хозяйственныхъ построекъ, а также домъ самого хозяина—домикъ очень скромный (видны вдали на рисунку справа) и совершенно подавленный размѣрами фермы. Въ этомъ то небольшомъ помѣщеніи, снабженномъ маленькимъ садомъ, живетъ г. Миллеръ со всѣмъ семействомъ, предоставивъ палаццо своимъ быкамъ и мѣшкамъ съ брумкорномъ, майсомъ и прочимъ. Впрочемъ это—чисто американская черта; въ частной жизни янки, обладающей миллиономъ долларовъ, самый скромнѣйший человѣкъ въ мірѣ. Въ простомъ платьѣ, его трудно отличить отъ простаго рабочаго, и только какая-то сосредоточенность и серьезность даютъ замѣтить, что этотъ человѣкъ создаетъ обширные планы и громадныя предприятия. Только на своей плантaciи, или на фермѣ, чистокровный янки разрастается со своей флегмой; здѣсь онъ дѣятельный, распорядительный хозяинъ, у котораго дѣло кипитъ, подъ руководствомъ котораго сотни людей работаютъ также дружно, какъ одинъ человѣкъ. Умѣніе вести каждое дѣло и ладить со всякими людьми—неоцѣнимое качество американца и, лишь благодаря ему, создаетъ онъ себѣ тѣ громадные, миллионы капиталы, которые даже и не снятся богачамъ старого свѣта.

Тихвинскій Большой монастырь.

(Рис. на стр. 624 и 625).

26-го сего іюня въ Тихвинѣ, небольшомъ уѣздномъ городе Новгородской губерніи, отстоящемъ отъ С.-Петербурга на разстояніи 240 верстъ, предстоитъ рѣдкое духовное празднество по случаю исполненія 500 лѣтъ со дня появленія въ этомъ городе высокого читомой православнѣмъ людомъ Тихвинской иконы Божіей Матери. Икона эта, писанная, по преданію, свангелистомъ Лукою, пользуется среди вѣрующіхъ такою громкою

Апельсинное вино. Несколько лѣтъ уже, одинъ американецъ вѣсма успѣши производить въ Флоридѣ опыты приготовленія вина изъ апельсиновъ. По его словамъ, окончательно изготовленное въ восемь мѣсяцевъ, апельсинное вино обладаетъ къ тому же превосходными, медицинскими (лечебными) свойствами. Способъ приготовленія вѣсма простой. Апельсины должны быть совершенно зрѣлыми. Они очищаются, разрѣзываются пополамъ въ направлении вертикальномъ положенію отдельныхъ долей и выжимаются въ тазъ. Прессъ долженъ быть таковъ, чтобы сѣмена не проходили въ сокъ. Сюда прибавляется, затѣмъ, значительное количество сахара. Необходимо тщательное броженіе. Получающійся напитокъ имѣетъ янтарный цвѣтъ, вкуса рейнскаго вина съ апельсиновымъ ароматомъ. Изъ остатковъ же плодовъ и кожицы можетъ быть извлечено хорошій уксусъ.

Операторъ передъ судомъ. Недавно некто Томасъ Келли привлекъ въ Америкѣ зубного врача Колтона къ судебной ответственности, требуя вознагражденія за убытки, на слѣдующемъ основаніи. Во время операции, находясь подъ вліяніемъ веселящаго газа, истецъ проглотилъ, хотя не совсѣмъ, часть зуба, высокользнувшую изъ щипцовъ, благодаря безпечности хирурга. Вслѣдствіе этого, онъ страдалъ сильно кашлемъ цѣлыхъ четыре недѣли, пока не выхаркнулъ частицу зуба, попавшую въ горло. Судъ нашелъ, что такъ какъ больной находился въ безчувственномъ состояніи, подъ вліяніемъ анестезического средства, и не владѣлъ своими способностями, то операторъ обязанъ былъ охранять его отъ всякихъ опасностей, подобныхъ случившейся. На этомъ основаніи, требованіе истцомъ вознагражденія было удовлетворено, и рѣшеніе въ низшей судебной инстанціи получило утвержденіе со стороны высшей.

О ПЕРЕМЪНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присыпать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акації).

(*Robinia Pseudoacacia*)

стоятъ на той же степени, какъ и известная міру спеціальность:

Maiglöckchen Г. Лозе, || Königin der Nacht Г. Лозе,
НЕЛЮТКОРЕ BLANC Г. ЛОЗЕ, || BOUQUET CARMEN Г. ЛОЗЕ,

какъ отличные и для платковъ продолжительно пахучіе духи.

Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.

При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики.

St. № 2605 10—8

Кое обозрѣніе.

дены, что если Франція нарушила бы вѣковой договоръ съ Римомъ, то она лишилась бы значительной международной силы; въ Ватиканѣ—люди опытные въ дѣлѣ политики!...

Англичане продолжаютъ съ тревогой смотрѣть на Францію, на Тонкинъ, на Мадагаскаръ; въ отношеніи первого—они разсыпаются—въ угрозахъ разнаго рода и, конечно, всѣми силами поддерживаютъ Китай въ его упорствѣ противиться французскимъ требованіямъ; въ Мадагаскарскомъ вопросѣ, который уже можно считать, въ военномъ отношеніи, решеннымъ, правительство королевы,—какъ мы сообщали читателямъ—прямо посовѣтывало посланникамъ королевы Рансеволо мириться, причемъ лордъ Грэнвиль замѣтилъ, что лучше теперь имъ соглашаться на сравнительно умѣренныя требования, нежели потомъ—на требования, гораздо болѣе суровыя; министръ прибавилъ, что Мадагаскаръ не можетъ разсчитывать на то, чтобы какая-либо изъ Европейскихъ державъ за него...

Въ Испаніи очень беспокоится также взорваніе въ воздухъ посредствомъ динамита. Во время этой катастрофы погибли многіе посѣтители. Какъ известно, въ Вестибулѣ, 26-го ноября, прошлаго года въ банкѣ разорвало бомбу и одинъ неаполитанецъ, заподозренный въ этомъ злодѣяніи, былъ арестованъ. Несколько его соотечественниковъ рѣшились отомстить за своего собрата и поклялись взорвать зданіе банка. Монаккская полиція, извѣщенная объ этомъ своевременно, немедленно арестовала соучастниковъ, въ квартирѣ которыхъ действительно было найдено пять динамитныхъ бомбъ.

СОДЕРЖАНИЕ: К. А. Коссовичъ (съ портр.). — Старый домъ. (Хроника четырехъ поколій). Исторический романъ Всеволода Соловьевъ. Часть I, гл. X и XI. — Пажъ Густава-Адольфа. Исторический рассказъ Конрада Мейера. (Окончаніе). — Стихотвореніе К. Медведѣскаго. — Вліяніе музыки на людей и животныхъ. — Полуночное солнце на Лофодденѣ (съ рис.). — Дѣти въ лѣсу (съ рис.). — Столыпинскіе минеральные воды (съ рис.). — Ферма въ Иллинайсѣ (съ рис.). — Тихвинскій Большой монастырь (съ 2 рис.). — Локомотивы системы Компайндъ (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Залѣніе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Маркъ.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго. Невскій, 93, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всемъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ № 2412

Самый большой и разнообразнейший складъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Новѣйшая американская сѣнокосилка и жатвенные машины Букэ. Чрезвычайно простой и прочной конструкціи. Особенно легки, такъ косилка вѣситъ всего 17, а жнея 21 пудъ.

ДЕПО МАШИНЪ

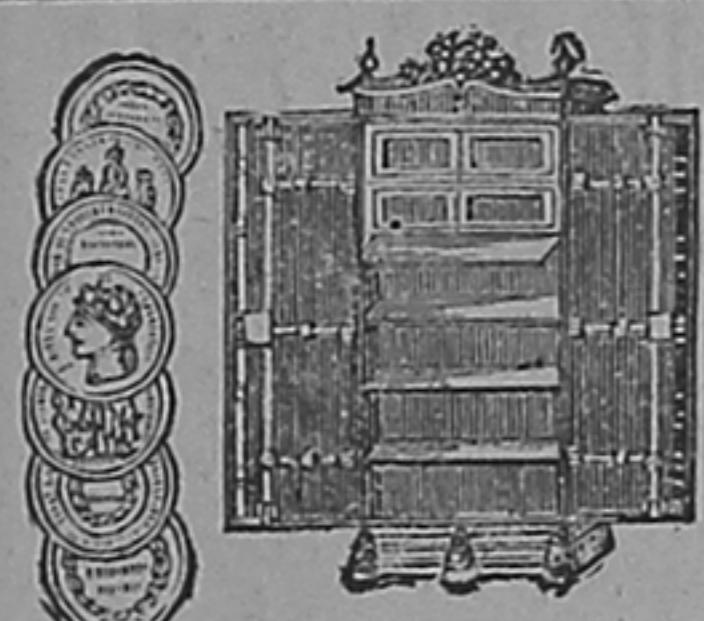
ЭД. ФЛУГЪ.

С.-Петербургъ: Вознесенскій просп. № 11.

Постоянная выставка и пробная станція машинъ: Петровский паркъ, домъ Санз-Галли. Москва: у Красныхъ воротъ, домъ Раузера. Кроме того постоянно большой выборъ ручныхъ, конныхъ и паровыхъ молотилокъ, вѣлокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣвалокъ и проч.

Каталоги и свидѣтельства доброкачественности по востребованію бесплатно и франко.

Р. № 2700 3—3

Самый лучшій источникъ для желающихъ снабдиться отвѣтурными и предохраняющими отъ воровъ желѣзными шкафами. Генрихъ Барыцкій: Варшава, Владзимирская, № 2.

Проспекты, каталоги, объясненія за 14 к. № 2612 6—5

ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

на большую ежедневную газету

„МИНУТА“

Въ Петерб. (съ 1 июля по 1 лѣв.) 4 р. 75 к.
Въ провинціяхъ. 5 —

Контора „МИНУТЫ“: Спб., уг. Бол. Итальянской и Бол. Садовой, д. Крафта. № 2710

Отъ Московской Частной Женской Гимназіи,

учрежденной З. Д. ПЕРЕПЕЛКИНОЙ

(Нѣмецкая ул., Посланниковъ пер., д. Дельсаль.)

По опредѣленію Педагогическаго Совѣта Гимназіи въ маѣ текущаго года окончили курсъ съ правами домашнихъ наставницъ слѣд. воспитанницы: Доброда Александра (золотая медаль), Свѣтлана Лиція (золотая медаль), Мамонгова Юлія (серебряная медаль), Бугорина Елизавета (серебряная медаль), Беклемишева Елена, Васильева Наталья и съ правами домашнихъ учительницъ—Таланова Вѣра и Клементъ Роза. Приемы испытанія будутъ производиться 25 августа. Воспитанницы принимаются пансионерками и приходящими.

П. № 2713 3—1

Приготовлено и выпущено въ продажу для всей Россіи, новаго, высшаго сорта

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“

„ИМПЕРАТОРСКОЕ“

Н. П. ЛАНИНА,

Москва, Софійская набережная.

За РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ Н. П. Ланину были присуждены слѣдующія награды:

1. Серебряная медаль 1852 г.	8. Высочайшая благод. 1875 г.
2. Большая серебр. мед. 1860 "	9. Филад. выст. мед. 1876 "
3. Похвальный отзывъ. 1864 "	10. Филад. выст. мед. 1876 "
4. Малая серебр. мед. 1865 "	11. Пар. выст. поч. отз. 1878 "
5. Малая серебр. мед. 1869 "	12. Всероссійск. худож. промышленная выставка, въ Москвѣ, 1882 года большая золотая медаль.

Привилегіи въ 1863 и 1872 годахъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено изъ русскаго винограднаго вина, безъ подмѣси иностраннаго, и не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

въ продажѣ подъ новымъ ярлыкомъ и съ белой и розовой смолкой. Съ фабрики ящики въ 60 и 30 бут. по 1 р. 50 к.

НОВОСТЬ!

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.

Продажа оптомъ и въ розницу

И. ВАКОНЬ

№ 9. Гороховая ул., д. Лембке, бель-этажъ, кв.

№ 8., въ С.-Петерб.

№ 2505 1—1

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА.

КОСМЕТИЧЕСКИЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ

УТИРАЛЬНИКИ

КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употр. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, где лицо особенно подвержено вліянію пыли и вѣтра; оно—единственноеѣвріе средство отъ веснушекъ и предупрежденія загара; также служить освѣженіемъ кожи, раздраженной дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр.; ихъ удобно всегда иметь при себѣ. Для предупрежденія подѣлъ, прошу требовать на каждой пачкѣ подписи: „А. Энглундъ“, красными чернилами. Пачка 60 к.; съ пересыпкою не менѣе 2-хъ пачекъ 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р.—Получать можно въ „Русск. Обществѣ торг. аптек. товар.“ Казанская ул., д. 12; у А. Рузанова, Гостиный дворъ № 40; во всѣхъ парфюмерныхъ и аптек. торговляхъ. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Малая Итальянская № 3. А. Энглундъ.

НАВОЖДЕНИЕ.

Романъ изъ современной жизни. СПб. 1882 г. Ц.

2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

скрипкой или віолончелью того вдохновенія, которое часто оставляло его. Тоже самое рассказывают про одного живописца. Еще сильнѣе проявлялось вліяніе музыки на знаменитой актрисѣ Малиранѣ. Услышавъ въ первый разъ симфонію ut-minor Бетховена, она упала въ судорогахъ и была вынесена изъ залы. Такова-же была и та молодая дѣвушка, про которую Вансвитенъ разсказываетъ, что мускулы ея начинали подергивать конвульсіями каждый разъ, когда ей случалось услышать звукъ колокола. До какой степени сильно можетъ проявиться дѣйствіе звуковъ на психическомъ мірѣ человѣка, показываетъ слѣдующій примѣръ.

Одинъ молодой музыкантъ пріѣхалъ изъ провинціи въ Парижъ. Однажды онъ пошелъ на оперу Со. въ Воспитаніи. Весьма 75 к. Откармливаніе телятъ. 75 к. Производство лѣсныхъ посевовъ.

Дарината еще въ шестидесятыхъ годахъ, оно до сихъ поръ пользуется успѣхомъ и охотно покупается, вслѣдствіе своей практичности и удобной понятной обработки предмета.

КАТАЛОГЪ РУССКИХЪ КНИГЪ ВОЛЬФА ПРОДАЕТСЯ ПО 4 РУБ. СЪ ПЕР.

Издание А. Ф. МАРКА.

Большая Морская, № 9.

Княжна Островская, историч. повѣсть Вс. С. Соловьева. Сюжетъ заимствованъ изъ русской истории и въ развитіи своемъ представляеть большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ 20 рисунками художника И. С. Панова, изъ которыхъ выше помѣщенный одинъ рисунокъ даётъ понятіе объ ихъ достоинствахъ. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 30 к., для подписч. "Нивы" 1883 г. 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Въ камышахъ, повѣсть Н. Каразина, второе издание, 39 рисунками автора, большою тьмъ 16—8 всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписаніе "Нивы" за пересылку не платить.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юля Генриха Циммермана

въ С.-Петербургѣ: Больш. Морская, № 42; депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

Рекомендуетъ свой громадный выборъ всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ, по весьма дешевымъ цѣнамъ. Подробный прѣсы-курантъ въ "Нивѣ", № 16, стр. 383, сего года.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОГНИВО
(употребленіе по наставлению чрезвычайно простое). Цѣна съ пересылкой по почтѣ 5 руб., магазинъ "Нюрнбергъ", въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, напискою церкви Успенія, домъ Шаховскаго.

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ сочиненій Ф. ШОПЕНА. 6. томовъ формата большой 8°.

Цѣна 3 рубля за 6 томовъ.

Самое ДЕШЕВОЕ, самое вѣрное изданіе изъ ВСѢХЪ существующихъ.

Первый томъ высылается подъ бандеролью за 75 к. марками.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА
Неглинный проѣздъ, № 10. П. № 2714

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть В. И. Кельсіева съ рисунками Панова и Коверзинѣа. Это интересное сочиненіе изображаетъ, въ формѣ повѣсти, Петровское время и его характеръ. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Для подписч. "НИВЫ" 75 к., съ перес. 1 р.

1883
Н. И. ВА
О. ВОЛЬФЪ въ С.-Петербургѣ, въ Гостино-дворѣ № 17 и 18
въ Москвѣ, на Петровкѣ, д. Михалкова
хъ руководствѣ, полезныхъ въ хозяйственномъ быту:

- 1 р. 75 к. Устройство пчелныхъ ульевъ.
- 1 р. 25 к. Разведеніе топицерстн. овецъ.
- 1 р. 25 к. Воздѣл. и обраб. льна и конопли.
- 1 р. 25 к. Опред. и указ. молочности коровъ.
- 1 р. 25 к. Рувов. для выѣзда ремонтныхъ лошадей.
- 1 р. 25 к. Соленіе и конч. мяса и рыбъ.
- 1 р. 25 к. Изгот. одежды и обуви домаш. средствами.
- 1 р. 25 к. Произв. слесарныхъ работъ.
- 1 р. 25 к. Устр. и употр. бань, ваннъ.
- 1 р. Приготовление желѣзника.
- 1 р. Приготовление косметич. средствъ.
- 1 р. Узнаніе и лечение деревъ.
- 1 р. Производство гончарныхъ издѣлій.
- 1 р. Устройство кожевенного завода.
- 75 к. Управление домашн. прислугою.
- 75 к. Устройство новолочи. колесъ и осей.
- 75 к. Вѣление веществъ.
- 75 к. Воздѣлываніе и обработываніе льна.
- 75 к. Добызваніе жирныхъ маселъ изъ сѣмянъ.
- 75 к. Добываніе нашатыря.
- 75 к. Добываніе торфа и употребленіе его.
- 75 к. О правильномъ съемѣ и храненіи фруктовъ.
- 75 к. Добываніе поташа.
- 75 к. Разведеніе и уборка хмѣля.
- 75 к. Разведеніе марены, шафрана и т. п.
- 75 к. Содержаніе въ комнатѣ деревъ.
- 75 к. Выѣзда хорошихъ печныхъ изразцовъ.
- 75 к. Приготов. кровельной черепицы.
- 75 к. Насажденіе аллей.
- 75 к. Приготовление уксуса.
- 75 к. Садоводственныя занятія на годъ.
- 75 к. Уничтоженіе сырости въ строеніяхъ.
- 75 к. Искусство переплетать книги.
- 75 к. Хлѣбопечеіе.
- 75 к. Произв. пѣпковыхъ канатовъ.
- 75 к. Реставрація картинъ.
- 75 к. Советы любителямъ цвѣтоводства.

"ТРИУМФЪ МЕЛЬНИЦЪ"
НОВАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА,
ИЗОВРЕДЕННАЯ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ
БУРГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.

Эта простая, прочная мельница требуетъ для своего полнаго дѣйствія всего 2 крестильн. лошадей и получаютъ на ней до 8 пудовъ тончайшей муки. Мука выступаетъ изъ мельницы мягкой и холодной и простота ея доведена до такой степени, что для нея не требуется мельникъ или механикъ. Жернова вращаются вертикально и не требуютъ частой насычки. Насычка очень легка и въ 5 минутъ можно разобрать всю мельницу. Всѣ мельницы 30 пудовъ цѣна 175 р., въ Москвѣ 185 р. с. Кроме того, товарищество вновь обращаетъ вниманіе на знаменитую жатвенную машину Джонстона "Триумфъ", цѣною въ 300 р., съ накосилки Пальмкранца въ 200 р., конные грабли Тигръ въ 75 р., штифтовая молотилка отъ 75 р., американскія вѣялки-сортировки въ 35 р., стѣнной прессъ системы товарищества Бургардтъ и Урлаубъ въ 200 р., русскую пожарную трубу въ 115 р., русский огнетушитель въ 16 р.

ИЛЛЮСТР. КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

С.-Петербургъ, Васильевский Островъ, 1 линія, № 10 и Москва, Масницкая, домъ Сытова. № 2705 6—2

EAU DE LYS
DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ лицо болѣе изящнымъ.

Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжестъ.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладко и изѣжно.

Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.

Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЙОЗЕ
БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse. S. № 2604 10—9

ЛИМОННОЕ МЫЛО

Изобр. Д. Брера въ Парижѣ. Уничтожаетъ загаръ, угри и веснушки. Цѣна 50 коп. Иностраннѣмъ высылается № 2630 на 1 р. 50 коп. на В. ПАРИКОВА и Ко. 4—5 въ Гостино-дворѣ № 78 въ СПб.

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.

ЧИСТЬШАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА,

лучший столовый и освѣжительный напитокъ, испытанный при кашлѣ, горловыхъ болѣзняхъ и при катарахъ желудка и мочеваго пузыря.

ПАСТИЛИ для пищеваренія.

ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карльсбадъ).

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. СКЛАДЫ: у АLEXANDRA VENZELIA, въ С.-Петербургѣ, Казанская, З. ул. КРЕНІГЪ и Ко, въ Москвѣ, Петровка, д. Матвеевской. Р. № 2625 10—4

Гип. А. Ф. Марка, Прачесн. пер., № 5.

Политическое обозрение.

Пруссія и Ватиканъ.—Франція.—Англія.—Іспанія.—Балканскій полуостровъ.

Сближеніе между прусскимъ правительстvомъ и Ватиканомъ идетъ впередъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время; дѣло началось — какъ передаютъ изъ Рима, — съ того, что правительство короля-императора обратилось къ Святому Престолу съ просьбой указать тѣ статьи майскихъ законовъ, которыя онъ считаетъ желательнымъ измѣнить; затѣмъ правительство это заявило о своемъ желаніи пересмотрѣть законы органически; Ватиканъ поспѣшилъ выполнить просьбу и указать статьи; по—въ этомъ и заключается неудовольствіе, вѣроятно временное—курии; получивъ отвѣтъ, князь Бисмаркъ отклонился отъ предмета и потребовалъ отъ Ватикана признанія за прусскимъ правительстvомъ права утверждать лицъ, назначаемыхъ на духовные должности; Ватиканъ, однако, не желая нового перерыва въ родѣ переговоровъ, замѣтилъ, что если будетъ разрѣшено первоначальный вопросъ, то могло бы состояться и соглашеніе по вопросу о порядкѣ утвержденія духовныхъ лицъ; пока, обѣ стороны, держась своихъ интересовъ, стараются не расходиться и мн. Бисмаркъ внесъ церковно-политический законъ въ парламентъ; националь-либеральная партія, ставшая съ нѣкотораго времени въ оппозицію съ Бисмаркомъ, вознамѣрилась было препятствовать предложеному закону, но этого ей не удалось, а повело только къ весьма важнымъ для нея самой послѣдствіямъ: ея вождь, опытный руководитель и патріотъ Беннигсенъ, сложилъ съ себя депутатское званіе, не желая переходить въ оппозицію.

Если можно предполагать, что отношенія между Пруссіей и Ватиканомъ возобновятся, но возобновятся ли прочно отношенія между Франціей и Ватиканомъ? если тутъ не было официального разрыва, то было грубое насилие надъ многими изъ монашескихъ орденовъ, и болѣе того—французское правительство выказало неслыханное неуваженіе къ церкви, къ религіи; взглядъ куріи на этотъ вопросъ высказанъ въ недавно появившейся статьѣ официального органа Ватикана „Римского Вѣстника“, въ которой говорится, что отношеніе, какого французское правительство держится къ Ватикану, рѣшить участъ пынѣшняго порядка венцей и впѣшняго вліянія Франціи; газета утверждаетъ, что французское правительство обратилось къ папѣ съ иной весьма дружелюбного содержанія и точными указаніями касательно религіознаго вопроса; курія считаетъ заявленія Жюля-Ферри и Мартена-Фелье важнымъзнакомъ и видѣтъ въ нихъ памѣреніе поддержать конкордатъ и бюджетъ исповѣданій, безъ ограниченій, а также желаніе продолженія хорошихъ отношеній съ папой; въ Ватиканѣ убѣж-

дены, что если Франція нарушила бы вѣковой договоръ съ Римомъ, то она лишилась бы значительной международной силы; въ Ватиканѣ—люди опытные въ дѣлѣ политики!...

Англичане продолжаютъ съ тревогой смотрѣть на Францію, на Тонкинъ, на Мадагаскаръ; въ отношеніи первого—они разсыпаются—въ угрозахъ разнаго рода и, конечно, всѣми силами поддерживаютъ Китай въ его упорствѣ противиться французскимъ требованіямъ; въ Мадагаскарскомъ вопросѣ, который уже можно считать, въ военномъ отношеніи, рѣшеннымъ, правительство королевы,—какъ мы сообщали читателямъ—прямо посовѣтывало посланникамъ королевы Рансволово мириться, причемъ лордъ Грэнвиль замѣтилъ, что лучше теперь имъ соглашаться на сравнительно умѣренныя требования, нежели потомъ—на требования, гораздо болѣе суровыя; министръ прибавилъ, что Мадагаскаръ не можетъ разсчитывать на то, чтобы какая-либо изъ Европейскихъ державъ за него вступила.

Въ Испаніи очень беспокоятся также за Тонкинъ, но—въ нѣсколько другомъ отношеніи: испанцы выражаютъ тревогу объ участіи значительныхъ католическихъ миссій въ этой странѣ, основанныхъ тамъ испанскими монахами въ течениіи послѣднихъ тридцати лѣтъ и насчитывающихъ болѣе 250 тысячъ христіанъ, поселенія которыхъ благоденствуютъ—будетъ ли Франція, послѣ своей побѣды, уважать права испанскихъ миссіонеровъ—этотъ вопросъ, занимающій испанскихъ патріотовъ; тѣ же патрона, съ маркизомъ Ризоаль во главѣ, отправили въ Марокко экспедицію, въ которой поручено изслѣдовать эту страну и въ особенности южный берегъ: „вѣнѣнія“, такъ сказать, цѣль—экспедиціи, заключается будто бы, въ томъ, чтобы завязать торговыя сношенія съ туземцами и подготовить пути къ колонизаціонному вліянію Испаніи, но тайная—въ томъ, чтобы противиться вліянію тамъ Англіи: въ Мадридѣ этотъ починъ, конечно, принять, съ большимъ одобрениемъ. Испанское правительство заключило недавно миръ съ Чили, съ которымъ, какъ оказывается, находилась цѣлыхъ 18 лѣтъ въ войнѣ; война эта, начатая тогда энергично—бомбардированіемъ нѣкоторыхъ портовъ, совершенно заглохла и выражалась въ прекращеніи дипломатическихъ сношеній, возобновленныхъ нынѣ.

Румынія приступаетъ къ пересмотру своей конституціи; Болгарія—къ постройкѣ систово-софійско-кюстендильской желѣзной дороги, а Порта вновь требуетъ отъ европейскихъ державъ разрѣшения финансовыхъ вопросовъ, возникшихъ изъ новыхъ ея отношеній съ Балканскими государствами послѣ Берлинского соглашенія.

СМѢСЬ.

Цивилизациія и зубы. Изслѣдуя 1249 череповъ, изъ которыхъ 844 принадлежали представителямъ высокоцивилизованныхъ расъ, 277 представителямъ новѣйшихъ низкихъ племенъ, а остальные римлянамъ, этрускамъ, финикиянамъ,—профессоръ Мантегацца пришелъ къ заключенію, блистательно подтверждающимъ одно замѣчаніе, сдѣланное Дарвиномъ въ его сочиненіи „О происхожденіи человѣка“. „Кажется—пишетъ Дарвинъ—что задній коренной зубъ или зубъ мудрости стремится къ зародышевому состоянію въ наиболѣе цивилизованныхъ расахъ людей“. Профессоръ Мантегацца находитъ, что зубы мудрости чаще отсутствуютъ у высшихъ, нежели у низшихъ типовъ, а именно, для первыхъ повторяемость этого явленія выражается почти 42 процентами, а для послѣднихъ почти 20 процентами. Въ низкихъ племенахъ случаи различныхъ неправильностей въ образованіи зубовъ почти равны обратнымъ нормальнымъ случаямъ, тогда какъ въ высшихъ племенахъ первые случаи преобладаютъ надъ вторыми. Профессоръ склоненъ думать, что въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ третій коренной зубъ окончательно исчезнетъ изъ человѣческой челюсти.

Свѣтящаяся краска. Изобрѣтеніе свѣтящейся краски основано на томъ фактѣ, что пѣкторыя вещества, будучи выставлены на свѣтъ, начинаютъ затѣмъ, впродолженіи извѣстнаго времени, сами издавать его. Существование подобного свойства извѣстно уже давно и о немъ упоминается еще въ пѣкторыхъ сочиненіяхъ глубокой древности. Фосфорическое свойство сѣриистокислого бария было открыто въ 1675 году. Въ 1761 году, Кантонъ открылъ сѣриокислый кальцій — одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ фосфорическихъ тѣлъ. Наконецъ, нѣкто Бэльтенъ получилъ изъ смѣси известки съ сѣрой весьма постоянное и сильное фосфорическое вещество, прѣмѣняющееся въ видѣ краски. Предметы имъ покрыты, становятся свѣтящимися, по выставленіи ихъ на нѣкоторое время подъ солнечные лучи, и остаются таковыми еще довольно продолжительное время, такъ, напримѣръ, цѣлую зиму. Въ то же время, краска отличается большой стойкостью противъ вліяній погоды и дѣйствія морской воды. Трудно исчислить массу полезныхъ примѣненій, которая можно сдѣлать изъ нея. Циферблаты, покрытые ею, показываютъ положеніе часовой стрѣлки во всякое время ночи, съ достаточной ясностью; крыши вагоновъ могли бы свѣтить пассажирамъ при проѣздѣ черезъ туннели; корабли могутъ быть видимы одинъ другому при полномъ мракѣ на морѣ; водолазъ получаетъ возможность

работать на значительной глубинѣ съ помощью подобного освѣщающаго фонаря. Есть еще множество мелкихъ примѣненій къ повседневной жизни и ея нуждамъ.

Университетъ будущаго. Американскій историкъ, Джемсъ Чартона, сказалъ слѣдующее въ одной изъ своихъ лекцій: „Я составилъ себѣ въ умѣ представление о славномъ, прекрасно обставленномъ и организованномъ, университѣтѣ, приспособленномъ къ тому воспитанію, которое будетъ даваться человѣку будущаго. Это —промышленное поселеніе, расположеннное среди прекрасно обработанной фермы въ 1000 акровъ земли, съ садами и парками, въ которомъ, однако, человѣкъ не будетъ занимать того зависимаго положенія, въ которомъ онъ находится теперь въ поселеніяхъ этого рода. Въ шесть часовъ утра, звономъ колоколовъ, мой университетъ будетъ подымать съ постели двухтысячное населеніе, приглашая его облечься въ рабочее платье и приготовиться къ работе. Въ семь часовъ оно находится уже въ самыхъ разнообразныхъ мастерскихъ, гдѣ занимается три часа, отдавая потомъ строгій отчетъ въ употребленіи инструментовъ, времени, материала. Лѣтомъ часть времени идетъ на обработку земли и вообще на сельское хозяйство, для приобрѣтенія въ этой области практическихъ знаній. За исключеніемъ времени жатвы и другихъ спѣшныхъ случаевъ, всѣ работы заканчиваются въ 10 часовъ. Звонъ колоколовъ призываѣтъ тогда рабочихъ въ ихъ комнаты, для того чтобы снять съ себя рабочее платье, облечься въ другое и, явившись въ аудиторію, остатся на весь день уже студентами университета.

„Отдѣленный отъ земли, человѣкъ никогда не достигнетъ счастья. Внѣ ея, онъ—растеніе заключенное въ горшокъ, отличающійся иногда слишкомъ малыми размѣрами. Тамъ, гдѣ населеніе живетъ около земли, оно здорово, счастливо, бѣржливо. Въ большихъ городахъ, внѣ земли, оно подпадаетъ нищетѣ, деморализаціи, отчаянію“.

Осопрививаніе на пассажирскомъ поѣздѣ. Въ прошломъ году мы говорили о прекрасной посановкѣ въ Америкѣ дѣла осопрививанія. Въ дополненіе не безъинтересно сообщить слѣдующій фактъ изъ санитарной дѣятельности американцевъ. Недавно въ Эльмирѣ былъ остановленъ экстренный пассажирскій поѣздъ, и была привита осна всѣмъѣхавшимъ на пемъ, въ предупрежденіе осеннаго зараженія, такъ какъ на поѣздѣ оказался болѣй этой губительной эпидеміей.